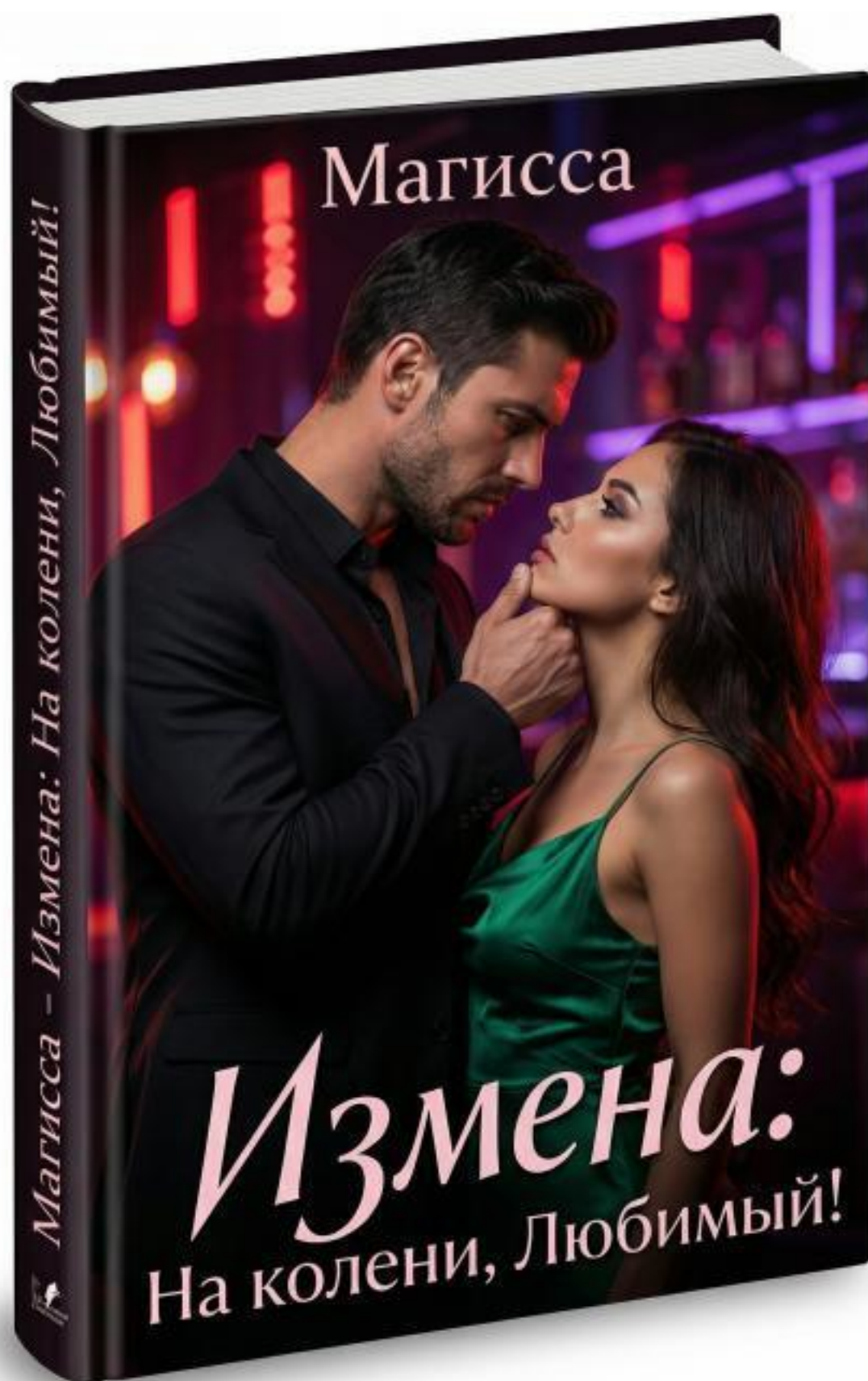

Магисса

Магисса - Измена: На колени, Любимый!

Измена:
На колени, Любимый!

Магисса –
Измена: На колени, Любимый!

«Литнет»

2025

– М.

Измена: На колени, Любимый! / М. – — «Литнет», 2025

Он заставил меня смотреть, как другая женщина стоит перед ним на коленях. Мой муж. Мой Бог. Мой палач. Горман Зотов думал, что я проглочу. Что буду и дальше изображать счастливую жену ради его статуса и денег. Но в тот вечер в клубе я не просто сняла кольцо. Я уничтожила нас. Я сбежала, надеясь начать новую жизнь. Но от таких, как Зотов, не уходят. Он перекрыл мне кислород, лишил работы и загнал в угол. Теперь я снова в его доме. Не как жена, а как должница. Его собственность. Его игрушка. Он хочет сломать меня, заставить молить о пощаде? Пусть попробует. Он еще не знает, что я вернулась не для того, чтобы подчиняться. Я вернулась, чтобы поставить его на колени. В тексте есть: Властный герой-сволочь (которого будем исправлять!) Очень откровенно и грязно Измена и предательство Мат и жесткое противостояние ♥# ХЭ (Хэппи-энд) выстрадан!

© – М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2 (Горман)	17
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5 (Горман)	37
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	59
Глава 9 (Горман)	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Пролог

В салоне «Майбаха» пахло кожей, моим страхом и его дорогим парфюмом, от которого меня тошнило уже второй год. Горман сидел рядом, вальяжно откинувшись на сиденье. Хозяин жизни. Дьявол в сшитом на заказ костюме от «Brioni».

Он не смотрел на меня, но его тяжелая ладонь лежала на моем колене. Не гладила. Держала. Так мясник держит кусок вырезки, оценивая, куда вонзить нож. Пальцы сжимались всё сильнее, проминая ткань вечернего платья, оставляя синяки, которые завтра расцветут уродливыми бутонами. Но завтра будет завтра. А сегодня я должна улыбаться.

— Надеюсь, ты запомнила инструкции, Сеня? — Его голос был низким, с той самой хрипотцой, от которой у половины женщин Москвы подкашивались ноги. У меня от этого голоса по спине полз липкий холод.

— Да, Горман.

— Повтори.

Я сглотнула вязкую слюну, глядя в тонированное окно, за которым проплывали огни ночного города. Дождь хлестал по стеклу, размывая реальность.

— Улыбаться. Держать тебя за руку. Не отходить ни на шаг. Изображать счастливую идиотку, которой повезло выйти замуж за самого завидного мужчину столицы.

Его пальцы сжались еще сильнее, причиняя боль. Я не дернулась. Я привыкла.

— Не идиотку, Есения. А любящую жену. Хотя для тебя это, видимо, одно и то же. — Он усмехнулся, и в этом звуке не было ничего веселого. — И убери это выражение лица. Ты выглядишь так, будто я везу тебя на расстрел, а не на юбилей собственного клуба.

— А есть разница? — вырвалось у меня раньше, чем я успела прикусить язык.

Горман резко повернул голову. В полумраке салона его черные глаза блеснули злым, хищным огнем. Он перехватил мою челюсть свободной рукой, больно сдавливая щеки, заставляя повернуться к нему.

— Язвить будешь дома, когда я разрешу, — прорычал он мне в губы. — А там, за дверями, ты — витрина. Моя идеальная, дорогая витрина. Если хоть одна журнашлюха заметит, что в «раю» проблемы, я устрою тебе такой ад, что жизнь в коммуналке с твоей больной мамашей покажется тебе сказкой Диснея. Ты меня поняла?

— Поняла, — прошептала я, чувствуя, как его большой палец грубо оглаживает мою нижнюю губу.

— Умница.

Машина мягко затормозила. Водитель выскочил под дождь, чтобы открыть дверь, но Горман задержал меня еще на секунду. Он наклонился и поцеловал меня. Жестко, властно, кусая губы, проталкивая язык в рот, словно метил территорию. Это не был поцелуй любви. Это была печать собственности.

— Пошла, — скомандовал он, отстраняясь.

Мы вышли на красную дорожку.

Вспышки камер ослепили мгновенно. Десятки объективов нацелились на нас, как дула автоматов. Клуб «Одержимость» сиял неонами, возвышаясь над мокрым асфальтом, как храм порока. Толпа гудела.

Горман преобразился мгновенно. Из деспота, который только что чуть не свернул мне челюсть, он превратился в галантного джентльмена. Ослепительная улыбка, уверенная походка. Он обвил мою талию рукой, притягивая к себе. Для фотографов это выглядело как объятие. Я же чувствовала, как его ногти впиваются мне в ребра сквозь тонкий шелк изумрудного платья.

— Горман! Горман Андреевич! Пару слов для «Светской хроники»!

— Есения, вы выглядите потрясающе! В чем секрет вашего брака?

— Секрет прост, — Горман остановился перед группой журналистов, глядя на них как на грязь под ногами, которой он великодушно разрешил существовать. — Моя жена знает свое место. И она безупречна. Правда, милая?

Он посмотрел на меня с такой фальшивой нежностью, что меня замутило.

— Да, дорогой, — выдавила я, растягивая губы в резиновой улыбке.

— Мы счастливы, — резюмировал он и потащил меня ко входу, отсекая любые дальнейшие вопросы.

Внутри клуба царила преисподняя класса «люкс». Тяжелые басы били прямо в грудную клетку, заставляя сердце сбиваться с ритма. Воздух был густым, пропитанным ароматами дорогого алкоголя, кальянов и возбуждения. Здесь пахло деньгами и сексом.

Полуголые танцовщицы извивались в золотых клетках, подвешенных под потолком. Официанты скользили между столами с подносами, уставленными кристаллами и «Вдовой Клико». Публика — сливки общества и пена, всплывшая с самого дна. Бандиты в костюмах депутатов, депутаты с повадками бандитов, эскортницы с лицами ангелов и глазами акул.

Горман шел сквозь толпу, как ледокол. Его приветствовали, ему жали руку, перед ним заискивали. Я была просто аксессуаром. Красивой куклой с бриллиантами в ушах, стоимость которых могла бы покрыть годовой бюджет небольшой больницы.

К нам подкатил один из постоянных партнеров Гормана — лысоватый, потный мужик с бегающими глазками. Аркадий, кажется. Или Анатолий. Я никогда их не запоминала, они все были на одно лицо — лицо жадности.

— О-о-о, Зотов! — взревел он, перекрикивая музыку. — Ну ты даешь! Такую вечерину закатил! А это кто у нас? Супруга?

Его сальный взгляд прошелся по мне, задерживаясь на декольте. Я инстинктивно выпрямилась, пытаюсь закрыться холодом.

— Есения, — сухо представилась я.

— Красавица, — цокнул языком мужик, подмигивая Горману. — Но какая-то смурная. Ты что, Горман, не кормишь ее? Или в постели загонял так, что сил нет улыбаться?

Я ждала, что муж осадит хама. Сделает замечание. Хоть раз поступит как мужчина, защищающий честь своей женщины. Какая же я была дура.

Горман рассмеялся. Громко, лающе.

— Да она у меня просто холодная, Толян. Снежная королева, мать ее. В постели как бревно, зато красивая. Для интерьера подходит, правда?

Они заржали вдвоем. Меня словно ударили под дых. Кровь прилила к щекам, но не от смущения, а от унижения, которое жгло напалмом.

— Мне нужно в дамскую комнату, — процедила я, пытаюсь высвободиться из его хватки. Рука Гормана на моей талии стала стальной.

— Стоять, — шепнул он мне на ухо, продолжая улыбаться партнеру. — Никаких туалетов. Мы идем в VIP-ложу. У меня там деловая встреча, и ты будешь сидеть рядом и молчать.

— У меня болит голова, Горман. Отпусти меня домой. Пожалуйста.

Это была ошибка. Просить его о чем-то — значит показать слабость. А слабость он презирал.

Глаза мужа потемнели. Он наклонился к моему лицу, почти касаясь носом моей щеки. Со стороны казалось — шепчет нежности.

— Домой? — вкрадчиво спросил он. — Ты думаешь, я позволю тебе свалить в разгар вечера? Нет, моя дорогая. Веселье только начинается. Ты пойдешь со мной. Тебе полезно посмотреть, как развлекаются нормальные люди, у которых в венах кровь, а не дистиллированная вода.

Он поволок меня к лестнице, ведущей на второй уровень, в закрытую зону. Охрана расступалась перед ним, как воды Красного моря.

VIP-ложа представляла собой просторную комнату со стеклянной стеной, выходящей на танцпол. Отсюда весь клуб был как на ладони, но нас снизу никто не видел. Звукоизоляция отсекала грохот музыки, оставляя лишь мягкую вибрацию пола.

Здесь было темно и прохладно. На низком столике стояло ведро со льдом, бутылка виски и фрукты. Но не это привлекло мое внимание.

На кожаном диване сидела женщина.

Я узнала ее сразу. Карина. Та самая «помощница», чьи трусики я находила в бардачке машины Гормана полгода назад. Вульгарная, яркая, хищная. На ней было красное платье, которое больше напоминало вторую кожу, и чулки в крупную сетку.

Увидев нас, она не смутилась. Наоборот, ее губы, накрашенные кроваво-красной помадой, растянулись в торжествующей улыбке. Она подняла бокал с шампанским, салютуя мне.

— Привет, Горман. И... Есения, кажется? — Ее голос был тягучим, приторным, как дешевый ликер.

Я застыла на пороге.

— Что это значит? — мой голос дрогнул.

Горман толкнул меня в спину, заставляя войти, и захлопнул тяжелую дверь, отрезая путь к отступлению. Щелканье замка прозвучало как выстрел.

— Садись, — приказал он, указывая на кресло в углу.

— Горман, что за цирк? Зачем мы здесь?

— Я сказал: сядь! — рявкнул он так, что я невольно вздрогнула и опустилась в кресло. Ноги не держали.

Он снял пиджак, небрежно бросив его на спинку дивана, ослабил узел галстука. В его движениях была пугающая, животная грация. Он подошел к Карине, но смотрел на меня. Прямо мне в глаза.

— Ты все время ноешь, Сеня. Скучная. Правильная. Вечно у тебя «мигрень», вечно ты «устала». Я устал трахать труп, — он выплюнул эти слова с ненавистью. — Посмотри, как ведут себя настоящие женщины, которые ценят своего мужчину.

— Горман, не надо... — прошептала я, понимая, к чему все идет. Паника ледяными когтями сжала горло.

— Надо, Сеня. Надо. Учись.

Он сел на диван, широко расставив ноги. Властно, по-хозяйски. Карина, хихикнув, отставила бокал. Она соскользнула с дивана на пол, двигаясь плавно, как змея. Ее руки легли на его бедра.

Я хотела закрыть глаза. Окликнуть. Закричать. Выбежать. Но мое тело словно парализовало. Я сидела, вцепившись пальцами в подлокотники кресла так, что побелели костяшки, и смотрела. Смотрела, как рушится остаток моего мира.

Горман не сводил с меня взгляда. В его черных глазах не было ни капли смущения или вины. Только вызов. Только желание раздавить меня, смешать с грязью, доказать свою абсолютную власть.

Карина расстегнула ремень на его брюках. Звук расстегиваемой молнии в тишине комнаты показался мне оглушительным разрывом ткани мироздания.

— Смотри, сука, — прорычал он, когда голова Карины опустилась к его паху.

Меня замутило. Желудок скрутило спазмом. Я видела, как двигаются ее плечи, слышала влажные, чавкающие звуки, слышала тихие стоны Карины, которая старалась изо всех сил.

Но страшнее всего был он.

Он не закрывал глаза от удовольствия. Он сидел, откинувшись назад, его рука зарылась в волосы любовницы, задавая ритм, но его взгляд был прикован ко мне. Он упивался моим шоком. Он питался моей болью.

— Да... вот так... — хрипел он, не прерывая зрительного контакта. — Глотай, девочка. Глубже. Видишь, Сеня? Видишь, как это делается? Не надо строить из себя святошу. Мужiku нужно мясо, а не твоя постная рожа.

Внутри меня что-то оборвалось. Словно перегорел главный предохранитель.

Сначала исчез страх. Потом исчезла боль. Осталась только звенящая, ледяная пустота. Я смотрела на человека, которого когда-то, возможно, любила. Ради которого бросила карьеру архитектора. Ради которого терпела его пьянки, его срывы, его холодность, оправдывая это «сложным бизнесом».

Я смотрела и видела не мужа. Я видела кусок дерьма в дорогой обертке. Животное, которое возомнило себя богом только потому, что у него много денег.

— Ты шлюха, Есения, — прохрипел он, наращивая темп. Карина давилась, но продолжала. — Такая же, как все. Только они честно продают тело, а ты продала душу за мои бабки. Сидишь и смотришь. Тебе ведь нравится, а? Нравится?!

Я медленно разжала пальцы, вцепившиеся в кресло.

Дыхание выровнялось. Пульс, который секунду назад бился в горле птицей, стал ровным и спокойным. Мертвым.

Я встала.

Горман на секунду потерял бдительность, откинув голову назад в предвкушении финала. Его лицо исказилось гримасой похоти.

Я подошла к столику. Мои движения были плавными, почти механическими. Я взяла серебряное ведро. Лед в нем уже начал подтаивать, превращаясь в ледяную кашу вперемешку с водой. Вытащила бутылку шампанского и отставила ее в сторону.

Тяжесть ведерка приятно оттягивала руку.

Я сделала два шага.

Карина, почувствовав мое приближение, на миг оторвалась и испуганно округлила накрашенные глаза. Но было поздно.

— Кончай, милый, — тихо сказала я.

И с размаху выплеснула содержимое ведерка прямо ему в пах. На его напряженный член, на лицо Карины, на дорогие брюки.

Ледяная вода и куски льда ударили с эффектом разорвавшейся бомбы.

— А-а-а-а! Бл*дь!!! — рев Гормана, наверное, пробил звукоизоляцию.

Он подскочил, как ошпаренный, судорожно пытаясь прикрыться, стряхивая лед. Член мгновенно опал, скукожившись от шока. Карина взвизгнула и отползла в сторону, размазывая тушь по щекам.

Горман стоял передо мной — мокрый, жалкий, со спущенными штанами, трясущийся от холода и ярости. Его лицо пошло красными пятнами.

— Ты... Ты что натворила, сука?! — заорал он, делая шаг ко мне. — Ты совсем охерела?! Я тебя урою! Я тебя в порошок сотру!

Я не отступила. Я стояла прямо, глядя на него сверху вниз, хотя он был выше меня на голову. Сейчас я чувствовала себя Гулливером перед лилипутом.

— Остынь, Зотов, — мой голос звучал пугающе спокойно даже для меня самой. — Тебе полезно.

Я швырнула пустое ведро на диван. Оно глухо ударилось о кожу.

— Вон пошла! — брызгал слюной он, пытаясь застегнуть мокрые брюки, путаясь в ткани. — Убирайся! Чтобы духу твоего не было! Я заблокирую твои карты! Ты сдохнешь под забором!

— Надеюсь, ты сдохнешь от сифилиса раньше, чем я дойду до выхода, — бросила я.

Я развернулась на каблуках. Медленно. С достоинством.

— Стоять! — ревел он мне в спину. — Я с тобой не закончил! Вернись, мразь! Ты на коленях приползешь!

Я подошла к двери. Остановилась на секунду. Руки сами потянулись к ушам. Я расстегнула замки тяжелых бриллиантовых серег — его подарка на прошлую годовщину.

— Подавись, — я кинула серьги через плечо, не глядя.

Они звякнули об пол где-то рядом с его ногами.

Я толкнула дверь и вышла в коридор.

Грохот музыки снова ударил по ушам, но теперь он казался мне музыкой свободы. Я шла сквозь толпу, не видя лиц. Слезы не текли. Внутри было сухо и пусто, как в выжженной пустыне.

Я знала одно: я только что собственноручно убила свою прошлую жизнь. И Есению Зотову тоже убила.

Осталась только я. И я понятия не имела, что мне делать завтра.

Но сегодня я впервые за два года дышала.

Глава 1

Утро пахло пахло стерильностью, озоном и моим собственным крахом.

Я открыла глаза, уставившись в безупречно белый потолок гостиной. Спина ныла. Диван от итальянского бренда «Minotti» стоил как почка, но спать на нем было все равно что на мраморной плите. Я не пошла в спальню. Вчера, когда водитель привез меня из клуба — опустошенную, дрожащую, с одной сережкой в ухе, — я просто свернулась калачиком здесь, набросив на себя плед.

Тишина в пентхаусе была абсолютной. Мертвой.

Ни звука шагов, ни звона посуды, ни гула города. Тройные стеклопакеты на пятьдесят пятом этаже башни «Федерация» надежно отрезали нас от внешнего мира. Мы жили в аквариуме. В дорогом, чертовом аквариуме, где вместо рыбок плавали акулы.

Я села, сбрасывая плед. Изумрудное платье — то самое, в котором я вчера вылила шампанское на брюки мужа — валялось на полу смятой зеленой тряпкой. Я пнула его ногой, отшвыривая подальше. Видеть его не могла.

Нужно было встать. Нужно было двигаться. Если я остановлюсь и начну думать, я сойду с ума. Или, что еще хуже, начну жалеть себя.

Я босиком прошла по холодному паркету к хозяйской спальне. Дверь была приоткрыта. — Горман? — позвала я, хотя знала ответ.

Пусто.

Огромная кровать «King Size» была идеально заправлена. Горничная — безликая тень, приходящая по утрам — еще не появлялась, значит, постель никто не трогал со вчерашнего дня. Он не ночевал дома.

Конечно. Зачем ему возвращаться к жене, которая посмела показать зубы? Он наверняка остался в клубе. Или поехал к ней. К этой... Карине. В памяти всплыла картинка: красные губы, пошлые чулки, ее голова у него между ног.

К горлу подкатил ком желчи. Меня замутило так сильно, что пришлось схватиться за косяк двери.

— Тварь, — выдохнула я в пустоту.

Это слово относилось и к нему, и к ней, и ко мне самой. Ко мне — в первую очередь. За то, что терпела. За то, что два года жила в этом золотом гетто, убеждая себя, что «так у всех», что «он просто сложный человек».

Он не сложный. Он просто мудака с безлимитной картой.

Я зашла в спальню, чувствуя себя воровкой в собственном доме. На прикроватной тумбочке лежали его часы — «Patek Philippe». Он забыл их вчера, когда собирался на юбилей. Рядом валялись золотые запонки.

Я взяла часы в руки. Тяжелые. Холодный металл обжег ладонь. Четыре миллиона рублей. Цена свободы для кого-то. Я могла бы забрать их. Сдать в ломбард. Уехать на острова.

Рука дрогнула. Я сжала часы так, что браслет впился в кожу.

— Нет, — сказала я своему отражению в зеркальной стене напротив.

Если я возьму хоть копейку его денег, я подтверждаю его слова. Стану той самой шлюхой, о которой он говорил. «Ты продала душу за мои бабки».

Я аккуратно, с маниакальной точностью положила часы обратно. Циферблатом вверх. Рядом с запонками. Пусть видит, что я ничего не украла. Пусть бесится от того, что меня нельзя купить.

Ноги сами принесли меня в ванную.

Это было мое любимое место в доме. Огромное пространство, отделанное белым мрамором и ониксом. Джакузи у окна с видом на просыпающуюся Москву. Раньше я любила лежать

здесь часами, глядя на город, который лежал у наших ног. Теперь этот вид вызывал только головокружение.

Я включила душ. Выкрутила кран на максимум, игнорируя термостат. Мне нужен был кипяток.

Скинув белье, я шагнула под упругие струи. Вода обожгла плечи, но я не отстранилась. Я схватила жесткую мочалку, намылила ее гелем с запахом сандала (его любимым, черт бы его побрал) и начала тереть.

Я терла кожу с остервенением. Грудь, живот, бедра. Я хотела содрать с себя этот слой эпидермиса, которого касались его руки. Смыть его запах, его слюну, его метки. Кожа покраснела, начала гореть, но мне было мало.

— Грязная, — шептала я, глотая воду, смешанную со слезами. — Какая же я грязная...

Я вспомнила нашу первую ночь. Он был другим. Или притворялся? Он был настойчивым, но нежным. Он шептал, что я — его сокровище. Его «чистый ангел». Когда именно ангел превратился в «бревно» и «мебель»? Когда я перестала спорить? Когда бросила работу в бюро, потому что «жене Зотова не пристало горбатиться на дядю»?

Я сама отдала ему свою жизнь. Сама надела ошейник. Он просто затянул поводок.

Выключив воду, я вышла из душа, завернувшись в полотенце. Пар заполнил ванную, превращая ее в турецкий хаммам. Я подошла к зеркалу и протерла запотевшее стекло ладонью.

Из зазеркалья на меня смотрела незнакомка. Мокрые волосы прилипли к черепу, под глазами залегли темные тени, губы были искусаны в кровь. Но в глазах... В глазах больше не было того испуганного зверька, который жил там последние месяцы. Там была пустота. Выжженная земля.

Я опустила взгляд на свою левую руку.

На безымянном пальце сверкало кольцо. Платина, огромный бриллиант огранки «принцесса», россыпь мелких камней по ободку. Горман надел мне его два года назад в ресторане на крыше этого же здания.

«Теперь ты моя, Есения. Навсегда».

Кольцо сидело плотно. Я дернула его. Не идет. Намылила палец жидким мылом. Оно скользнуло через фалангу, оставляя после себя бледную полоску незагорелой кожи. След от кандалов.

Я держала его двумя пальцами, поднеся к свету. Камень играл гранями, рассыпая радужные искры. Красивое. Безумно красивое и мертвое.

— Пять карат, — вслух произнесла я. — Квартира в центре. Машина. Год безбедной жизни. Лечение для мамы.

Искушение было великим. Голос разума вопил: «Забери! Ты заслужила компенсацию за два года ада! Это твой моральный ущерб!»

Но я знала Гормана. Если я заберу кольцо, он заявит в полицию. Обвинит меня в краже. Натравит своих псов. Он превратит мою жизнь в преследование.

А еще... Я хотела уйти чистой.

Я подошла к унитазу. Подняла крышку. Вода внизу была прозрачной и спокойной.

Я разжала пальцы.

Кольцо звякнуло о фаянс, ударилось о воду и пошло ко дну, сверкнув напоследок, как утонувшая звезда.

Я нажала на кнопку слива.

Шум воды показался мне самым прекрасным звуком на свете. Водоворот подхватил бриллиант, закрутил и унес в канализацию. Вместе с дерьмом. Туда ему и дорога.

— Прощай, — сказала я унитазу.

Меня накрыл истерический смех. Я стояла в ванной за три миллиона, голая, мокрая, и смеялась, глядя, как исчезает символ моего брака. Это было безумие. Но это была свобода.

Гардеробная занимала площадь хорошей «двушки». Ряды вешалок, полки с обувью, шкафы с сумками. Здесь пахло лавандой и кожей.

Я прошла мимо платьев от Dior и Chanel. Мимо шуб, которые надевала от силы пару раз. Мимо шелковых блузок, в которых я должна была изображать бизнес-леди на благотворительных вечерах.

Все это было куплено на его карту. Все это принадлежало ему.

Я искала другое.

На самой верхней полке, в дальнем углу, за коробками с зимней обувью, я нашла старую спортивную сумку. Потертая «Nike», с которой я ходила в фитнес-клуб еще до встречи с Горманом. Она пахла пылью, но этот запах был родным.

Я швырнула ее на пуф.

Что мне нужно?

Я открыла нижний ящик комода. Там, под стопкой «домашнего» кашемира, лежали мои старые вещи. Те, которые Горман не успел выкинуть, хотя и называл «тряпками для нищих».

Джинсы. Обычные, синие, слегка потертые на коленях. Свитер грубой вязки, который я купила на распродаже сто лет назад. Кеды.

Я сбросила полотенце и быстро, словно боясь передумать, натянула на себя эти вещи. Джинсы сели плотно — я похудела за последний месяц на нервах. Свитер колосся, но согревал лучше, чем все меха мира.

Теперь — самое важное.

Я подошла к сейфу, замаскированному под панель стены. Код я знала. 1508. День нашей свадьбы. Какая ирония.

Внутри лежали пачки валюты, документы на недвижимость, его пистолет (на который, надеюсь, есть разрешение, хотя мне плевать). Я отодвинула все это.

Моя цель — синяя папка в глубине.

Там лежал мой паспорт. Мой диплом МАРХИ, над которым он смеялся («Зачем тебе проектировать сараи, если ты жена миллиардера?»). Медицинские выписки мамы.

И конверт.

Я достала белый, ничем не примечательный конверт. Внутри лежали наличные. Триста тысяч рублей. Это были деньги, которые я тайком откладывала последние полгода. Сдача с покупок, гонорар за один левый проект, который я сделала ночами под чужим именем. Моя «подушка безопасности». Жалкая, тонкая подушка, но это было все, что у меня было.

Я сунула папку и конверт в сумку.

Туда же полетел мой старенький ноутбук, который я хранила как зеницу ока. Там были мои портфолио, мои чертежи, моя жизнь «до».

Я огляделась.

Косметика? К черту.

Украшения? Оставила все в шкатулке.

Белье? Взяла пару комплектов самого простого хлопка.

Сумка была полупустой. Вся моя жизнь за два года уместилась в пять килограммов прошлого.

Я вышла в прихожую.

Зеркало во всю стену отразило странную фигуру. Девушка в джинсах и свитере, с мокрой головой, с дешевой сумкой через плечо. Я выглядела как студентка, сбежавшая с пар. Или как беженка.

На консоли у двери я выложила все, что связывало меня с этим домом.

Ключи от «Porsche Cayenne». Брелок с логотипом мягко стукнул о стекло.

Ключи от пентхауса. Электронный пропуск.

Банковские карты. Черная «Infinity», золотая «Visa». Все, к чему имел доступ Горман. И телефон.

Я достала последнюю модель iPhone. Горман подарил его месяц назад, установив туда приложение для отслеживания геолокации. «Для твоей безопасности, милая». Ага, конечно. Чтобы знать, в каком бутике я трачу его деньги или с кем пью кофе.

Я нажала кнопку выключения. Экран погас.

Телефон лег поверх карт. Кирпич, который больше не будет вибрировать от его сообщений: «Где ты?», «Будь дома в восемь», «Возьми трубку, сука».

В кармане джинсов лежал мой старый кнопочный аппарат, который я купила в переходе неделю назад. Новая симка, оформленная на левый паспорт (спасибо интернету). Номер знал только один человек — главврач санатория, где лежала мама.

Я открыла входную дверь.

Рука на ручке дрожала.

— Ты делаешь ошибку, — прошептал голос страха в голове. — Ты не выживешь. Он найдет тебя. Он уничтожит тебя. У тебя ничего нет.

— У меня есть я, — ответила я ему вслух.

И шагнула за порог.

Лифт спускался с пятьдесят пятого этажа целую вечность. Я смотрела на цифры на табло, и с каждым этажом мне становилось легче дышать. Словно давление падало.

55... 40... 25... 10...

Лобби встретило прохладой и запахом дорогих ароматизаторов. Мраморный пол, стойка консьержа из красного дерева, огромные люстры.

За стойкой сидел Сергей — начальник смены охраны. Бывший спецназовец, шкаф в костюме, который всегда смотрел на жильцов с профессиональной подозрительностью.

Увидев меня, он встал. Его взгляд скользнул по моей одежде, по старой сумке. Брови удивленно поползли вверх. Жена олигарха Зотова выглядит как уборщица?

— Доброе утро, Есения Викторовна, — его голос был вежливым, но в глазах читался вопрос. — Вам вызвать водителя? Петр уже на парковке.

Я сжала лямку сумки так, что пальцы побелели. Только бы не задержал. Только бы Горман не дал команду «никого не выпускать».

— Нет, Сергей, спасибо, — я старалась, чтобы голос звучал ровно. — Я... я поеду на такси.

— На такси? — он переглянулся с напарником. — Может, все-таки Петра? Горман Андреевич будет недоволен, если узнает, что вы уехали без охраны. Погода плохая.

— Горман Андреевич в курсе, — соврала я, глядя ему прямо в глаза. — Я еду к... к волонтерам. Помогать в приют для животных. В таком виде. Понимаете?

Ложь была тупой, но сработала. Богатые дамочки часто развлекаются благотворительностью, надевая лохмотья, чтобы быть «ближе к народу».

Сергей расслабился. Усмехнулся уголком рта.

— А, понятно. Благодородное дело. Тогда хорошего дня.

Он нажал кнопку, разблокируя вертушку на выходе.

— Спасибо, Сергей.

Я прошла через стеклянные двери.

Улица ударила в лицо сыростью и шумом. Москва-Сити нависала над головой стеклянными громадами, закрывая небо. Ветер швырнул мне в лицо горсть мелких брызг с асфальта.

Я отошла за угол, подальше от камер наружного наблюдения, и достала кнопочный телефон. Приложение такси здесь не работало, пришлось звонить оператору.

— Желтый «Солярис», номер 456, будет через три минуты, — прохрипела трубка.

Три минуты. Сто восемьдесят секунд.

Я стояла, прижавшись спиной к холодной стене какого-то бутика, и тряслась. Не от холода. От адреналина. Мне казалось, что сейчас откроются двери башни, выбежит охрана, скрутит меня и потащит обратно. В золотую клетку.

Подъехала машина. Грязная, с вмятиной на крыле.

Я нырнула на заднее сиденье.

— Куда едем, красавица? — водитель, пожилой мужик с усами, жевал зубочистку. В салоне пахло дешевым табаком и елочкой-вонючкой.

— Улица Подольских Курсантов, — назвала я адрес. Бирюлево. Другой конец галактики.

— Ого, далеко забралась. Ну, погнали. Пробки, правда...

— Поехали, — выдохнула я. — Просто поехали. Быстрее.

Машина тронулась. Я не оборачивалась. Я смотрела вперед, на качающуюся голову собачки на торпеде, и впервые за два года не чувствовала удушья.

Мы ехали больше часа. Пейзаж за окном менялся, как в кинохронике деградации.

Сначала исчезли стеклянные небоскребы. Потом пропали широкие проспекты с "Бентли" и "Феррари". Появились сталинки, потом хрущевки, потом бесконечные ряды серых панельных муравейников.

Чем дальше мы уезжали от центра, тем грязнее становился снег на обочинах, тем угрюмее лица прохожих. Но мне нравилось. Это была настоящая жизнь. Грубая, непричесанная, но настоящая.

— Приехали, — водитель притормозил у обшарпанного подъезда девятиэтажки. — С вас тысяча двести.

Я отсчитала деньги из конверта. Руки дрожали, когда я протягивала купюры. Это были мои деньги. Не его.

Я вышла из машины.

Дом смотрел на меня сотнями темных окон-глазниц. У подъезда сидели бабульки, прожоя меня сканирующими взглядами. На лавке спал местный алкоголик.

— Здравствуйте, — буркнула я, проходя мимо.

— Здравсьте, — подозрительно отозвалась одна из старушек. — А вы к кому?

— Я здесь живу. Квартира сорок пять.

— А, это где Петровна померла? Внучка, что ли?

— Снимаю, — бросила я и нырнула в темноту подъезда.

Здесь пахло кошачьей мочой, жареной картошкой и старым бетоном. Стены были исписаны маркерами: «ЦСКА — чемпион», «Ленка — ш...». Лифт не работал — кнопка была выжжена зажигалкой.

Пятый этаж.

Я поднималась пешком, считая ступени. Сумка оттягивала плечо. Дыхание сбилось. Я отвыкла от физических нагрузок. В «прошлой» жизни я передвигалась только на лифтах и сиденьях авто.

Дверь сорок пятой квартиры была обита дерматином, из которого торчали клочья ваты. Я достала ключ, который хранила в потайном кармашке сумки месяц.

Замок поддался с трудом, со скрипом.

Я шагнула внутрь.

Квартира встретила меня тишиной и затхлым воздухом. Здесь никто не жил уже полгода после смерти хозяйки. Родственники сдали ее мне за копейки, даже не спросив паспорт — им просто нужны были деньги на водку.

Я шелкнула выключателем. Лампочка под потолком, без абажура, тускло осветила узкий коридор.

Обои в цветочек, местами отклеившиеся. На полу линолеум, протертый до дыр. Вешалка, сколоченная из досок.

Я прошла в комнату.

Старый диван с просиженной серединой. Полированный сервант с пустыми полками. Ковер на стене — красный, с оленями, пыльный. Стол, накрытый клеенкой.

Я бросила сумку на пол. Пыль взметнулась маленьким облачком.

Я медленно подошла к дивану и села. Пружины жалобно скрипнули подо мной.

Вот он. Мой новый дом. Мой дворец.

Контраст с пентхаусом был таким чудовищным, что мозг отказывался воспринимать реальность. Еще утром я ходила по мрамору, а теперь сижу на диване, который, возможно, помнит Брежнева.

Но страха не было. Было странное, звенящее чувство пустоты.

Я достала кнопочный телефон. Набрала номер санатория.

— Алло? Санаторий «Сосны», — ответил женский голос.

— Здравствуйте. Это Есения Белова. Как моя мама? Галина Сергеевна?

— А, Есения Викторовна... Да все хорошо. Процедуры прошла, обедает. Вы приедете в выходные?

— Я... не знаю. Послушайте, у меня изменились обстоятельства. Оплата... следующий месяц я внесу наличными. И, пожалуйста, если будет звонить мой муж... Горман Андреевич...

— Да?

— Не говорите ему ничего. Скажите, что я не появлялась. И маме... маме не давайте трубку, если он позвонит. Это важно.

— У вас проблемы? — голос администратора стал настороженным.

— Временные трудности. Я все решу. Главное — берегите маму.

Я нажала отбой.

Сердце колотилось как бешеное. Горман оплачивал этот санаторий. Это был лучший реабилитационный центр в области. Месяц стоил двести тысяч.

У меня было триста. Хватит на полтора месяца. А потом?

Я посмотрела на свои руки. Архитектор с красным дипломом. Дизайнер интерьеров. Я умею работать. Я найду заказы. Я буду мыть полы, если придется. Но я не вернусь к нему.

Желудок скрутило спазмом голода. Я не ела со вчерашнего обеда.

Я встала и пошла на кухню.

Газовая плита, покрытая слоем жира. Раковина с ржавым пятном. Электрический чайник, который я привезла сюда в прошлый раз, когда снимала квартиру.

Я набрала воды из-под крана. Она пахла хлоркой. Включила чайник.

В шкафчике нашлась пачка чая «Принцесса Нури» и упаковка сушек. Пир богов.

Пока вода закипала, я подошла к окну.

Вид на промзону. Трубы ТЭЦ дымили в серое небо. Внизу, во дворе, дети качались на ржавых качелях. Какая-то женщина развешивала белье на балконе напротив.

Я смотрела на этот унылый пейзаж и видела в нем красоту. Здесь не было лжи. Здесь не нужно было улыбаться, когда хочется выть.

Чайник шелкнул.

Я заварила чай в чашке с отбитой ручкой. Сделала глоток. Горячая, безвкусная жидкость обожгла горло.

В кармане джинсов завибрировал телефон.

Я вздрогнула, чуть не выронив чашку. Кто? Никто не знает этот номер!

На экране высветилось: «Входящий. Неизвестный номер».

Я замерла. Горман? Нет, невозможно. Он не мог узнать так быстро.

Я нажала «принять».

— Алло? — голос предательски дрогнул.

— Сеня? Это Никита, — раздался мужской голос. Знакомый. Спокойный.

Никита. Никита Волков. Мой бывший однокурсник. Единственный человек, с которым я поддерживала хоть какую-то связь, и то тайком. Он работал в службе безопасности конкурентов Гормана, но мы никогда не говорили о делах. Он помог мне с документами и симкой.

— Никита... Господи, ты меня напугал.

— Ты где? Ты ушла?

— Да. Я на месте. В квартире.

— Слушай меня внимательно, — его голос стал жестким. — В городе начался кибиш. У «Одержимости» куча охраны. Зотов рвет и мечет. Он поднял всех на уши. Его люди прочесывают вокзалы и аэропорты.

Я похолодела.

— Он ищет меня?

— Он ищет тебя так, будто ты украла ядерный чемоданчик. Сеня, он в бешенстве. Тебе нельзя высовываться. Сиди тише воды. Телефон держи выключенным, включай раз в день для связи. Из квартиры не выходи. Продукты есть?

— Сушки и чай.

— Черт... Ладно. Я приеду вечером, привезу еды. Адрес тот же?

— Да. Никита... спасибо.

— Не благодари пока. Если он узнает, что я тебе помогаю, он нас обоих закопает в фундамент Москва-Сити. Держись.

Гудки.

Я медленно опустила руку с телефоном.

Он ищет меня. Охота началась.

Я грызла сушку, запивая остывшим чаем, и смотрела на свое отражение в темном стекле окна.

Обычная женщина в старом свитере. Без кольца. Без мужа. Без будущего.

Но впервые за долгое время я чувствовала, что я — живая.

— Попробуй найди меня, Зотов, — прошептала я трубам ТЭЦ. — Я тебе не по зубам. Больше нет.

Глава 2 (Горман)

от лица Гормана

Пробуждение началось с жажды. Сухой, колючей, словно я нажрался песка. В висках пульсировала тупая, ритмичная боль — расплата за бутылку восемнадцатилетнего «Macallan», приговоренную вчера после шоу в клубе.

Я разлепил глаза. Чужой потолок. Лепнина, позолота, какая-то безвкусная хрустальная люстра, похожая на взорвавшийся торт. Квартира Карины.

Я повернул голову. Рядом, разметавшись на шелковых простынях цвета «пепел розы», спала она. Рот приоткрыт, тушь, которую она поленилась смыть, осыпалась черными крошками под глазами, создавая эффект панды. Вчера, в полумраке VIP-ложи, когда она стояла передо мной на коленях, она казалась богиней разврата. Сейчас, при жестком утреннем свете, пробивающемся сквозь шторы, она выглядела потасканной и дешевой.

Кусок мяса. Удобный, доступный, но одноразовый.

Меня передернуло. Посткоитальное отвращение накрыло с головой. Я вспомнил Есению. Ее чистую, почти прозрачную кожу, запах вербены и дорогого крема, ее сдержанность. Даже по утрам Сеня выглядела безупречно, словно фарфоровая статуэтка. А это... это было просто тело для сброса напряжения.

Карина зашевелилась, открыла мутные глаза и растянула губы в улыбке.

— М-м-м, котик... — промурлыкала она, потягиваясь и демонстрируя грудь с силиконом третьего размера. — Ты уже проснулся? Иди ко мне. Я сделаю тебе приятно...

Ее рука поползла под одеялом к моему паху.

Я перехватил ее запястье. Жестко. До хруста.

— Убери лапы, — прохрипел я. Голос был севшим, как у дворового пса.

— Горман, ну ты чего? — она обиженно надула губы, этот дешевый трюк всех содержанок. — Вчера ты был ласковее.

— Вчера я был пьян, а ты отработывала свое присутствие. Концерт окончен.

Я отшвырнул ее руку и сел на краю кровати. Голова кружилась. Нужно было сваливать. Этот запах — смесь сладких духов «Vaccarat Rouge», женского пота и латекса — вызывал тошноту.

Я встал и направился в душ, игнорируя ее обиженное сопение за спиной.

Под струями ледяной воды я пытался смыть с себя вчерашний вечер. В памяти всплыло лицо жены. Ее глаза в тот момент, когда она выплеснула шампанское. В них не было страха. Там был лед. И ненависть.

«Сука», — подумал я, намыливая голову.

Но эта мысль не несла в себе желания убить. Скорее... азарт. Впервые за два года моя «мебельная» жена показала характер. Это заводило. Я вспомнил, как она стояла передо мной — прямая, гордая, с пылающими щеками. В этом было что-то порочное.

Ничего. Перебесится.

Я вышел из душа, вытерся чужим полотенцем и быстро оделся. Мой костюм висел на стуле, слегка помятый, но все еще выглядящий на миллион.

Карина сидела в кровати, завернувшись в простыню, и сверлила меня взглядом побитой собаки.

— Ты даже не позавтракаешь?

— Нет.

Я достал из бумажника пачку пятитысячных. Не считая, кинул на прикроватную тумбочку. Купюры веером разлетелись по лакированной поверхности, одна упала на пол.

— Купи себе что-нибудь. И вызови клининг, здесь воняет.

— Ты — скотина, Зотов, — прошипела она, но глаза уже жадно сканировали толщину пачки.

— Я знаю, детка. Именно поэтому ты раздвигаешь передо мной ноги.

Я вышел из квартиры, хлопнув дверью. Щелчок замка прозвучал как выстрел стартового пистолета. Новый день. Новые проблемы. И одна маленькая, гордая жена, которую нужно поставить в угол.

В салоне «Майбаха» царил идеальный микроклимат. Двадцать один градус, легкий аромат дорогой кожи и тишина. Петр, мой водитель, кивнул мне в зеркало заднего вида.

— Домой, Горман Андреевич?

— Да. В башню.

Я откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Машина плавно тронулась, отсекая меня от суеты московских улиц.

Рука привычно потянулась к телефону. Десятки сообщений в мессенджерах. Партнеры, конкуренты, управляющий клубом. Череп отписался, что вчерашний инцидент замяли, пресса ничего не сняла, камеры подчистили. Отлично.

Я пролистал список чатов вниз.

Есения.

Последнее сообщение от нее было вчера днем: «Во сколько нам выезжать?». И все.

Никаких извинений. Никаких истерик в стиле «Как ты мог?», «Я ухожу», «Ты разбил мне сердце». Тишина.

Это царапнуло. Обычно после моих загулов (а она о них догадывалась, хоть и молчала) Сеня становилась тихой, покорной, старалась угодить. Готовила мои любимые сырники, заглядывала в глаза. Чувство вины делало ее удобной.

А сейчас? Где раскаяние за испорченный костюм? Где страх перед моим гневом?

Я открыл приложение-локатор. Маленькая точка с ее аватаркой пульсировала в центре карты. «Федерация». Дом.

— Умница, — усмехнулся я. — Сидишь, боишься.

Она никуда не делась. Конечно. Куда ей идти? У нее никого нет. Родители умерли, кроме матери-овоща в элитном санатории, который оплачиваю я. Подруг я разогнал еще в первый год брака — курицы, которые только завидовали и мутили воду. Работы нет. Денег своих — копейки на булавки.

Она полностью, тотально зависит от меня. И она это знает.

Вчерашняя выходка была просто срывом. ПМС, магнитные бури, ретроградный Меркурий — хер знает, что там у баб в голове. Сегодня она будет шелковой.

Я представил, как войду в квартиру. Она, наверное, не спала всю ночь. Сидит на кухне, бледная, с заплаканными глазами. Я не буду орать сразу. Нет. Я буду холоден. Я пройду мимо, приму душ, переоденусь. Пусть помучается неизвестностью. А потом...

Потом я возьму ее. Жестко. Прямо на кухонном столе. Заставлю стонать, заставлю просить прощения губами, руками, телом. Вчерашняя сцена с Кариной не давала мне покоя — я хотел повторить это с женой. Сломать ее эту монашескую праведность.

Я нажал на вызов. Длинные гудки.

Один. Два. Три. Пять...

— Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

Я нахмурился. Выключила телефон? Или села батарейка?

— Петр, быстрее, — бросил я водителю.

— Пробки, Горман Андреевич. Садовое стоит.

— Мне насрать. По встрече, по тротуару, хоть по воздуху. Жми.

В груди начало разгораться глухое раздражение. Не страх — нет, я не боялся за нее. Я злился. Она смеет играть со мной в молчанку? Смеет игнорировать звонки после того, как опозорила меня перед персоналом?

Ну погоди, Сеня. Ты сама напрашиваешься.

Лифт вознес меня на пятьдесят пятый этаж за сорок секунд. Я приложил палец к сканеру. Замок пискнул, пропуская хозяина.

Тяжелая дверь бесшумно открылась.

Я шагнул в прихожую, набирая в легкие воздух, чтобы рывкнуть: «Есения!». Но крик застрял в горле.

Тишина.

Она была не просто тишиной пустой комнаты. Это была вакуумная, звенящая пустота, какая бывает в нежилых помещениях. Воздух был стоячим, лишенным запахов еды или духов.

— Сеня? — мой голос прозвучал глухо, отражаясь от мраморных стен.

Никто не ответил.

Я прошел в гостиную. Изумрудное платье валялось на полу бесформенной кучей, словно сброшенная кожа змеи. Я пнул его носком ботинка.

— Истеричка, — пробормотал я. — Решила устроить бойкот? Спряталась в ванной?

Я двинулся дальше, расстегивая на ходу пиджак. Ярость начинала закипать, покалывая кончики пальцев. Если она сейчас сидит в запертой комнате и делает вид, что ее нет, я вышибу дверь.

Но проходя мимо консоли в коридоре, я затормозил.

Словно наткнулся на невидимую стену.

На полированной поверхности черного дерева лежал натюрморт, от которого у меня похолодело внутри.

Ключи от «Порше».

Ключ-карта от пентхауса.

Две банковские карты — «Инфинити» и «Голд».

И телефон. Ее айфон в розовом чехле. Черный экран смотрел на меня как выколотый глаз.

Я медленно протянул руку и взял телефон. Он был выключен.

— Что за херня? — прошептал я.

Это не поход в магазин. Это не прогулка. Без денег, без связи, без машины.

Она ушла.

Эта мысль была настолько абсурдной, что я рассмеялся. Нервно, коротко. Ушла? Куда? В никуда? Пешком? В такую погоду?

— Дура, — рыкнул я, швыряя телефон обратно на консоль. Он с грохотом ударился, проехался по столешнице и упал на пол. Плевать.

Я рванул в гардеробную.

Шкафы ломились от тряпья. Шубы, платья, костюмы. Все на месте. Я рывком открыл ящик с сумками. «Birkin», «Chanel», «Louis Vuitton». Все здесь. Она не взяла ничего ценного.

Мой взгляд заметался по полкам. Чего не хватает?

Я вспомнил тот дальний угол, где она хранила свои старые шмотки. Те самые убогие джинсы и свитера, в которых я ее встретил три года назад на какой-то выставке. Я сто раз говорил ей выбросить этот хлам.

Полка была пуста.

Меня накрыло.

— Ах ты сука! — заорал я, срывая с вешалки ближайшее платье и швыряя его на пол. — Ты решила поиграть в бедную гордую овечку?!

Она бросила всё, что я ей дал. Миллионы рублей, вложенные в ее гардероб. Статус. Комфорт. Она предпочла надеть обноски и свалить, лишь бы не видеть меня.

Это было оскорбление. Плевков в лицо. Она отвергла мою «заботу», мою щедрость. Она показала, что все мои деньги для нее — мусор.

Я метнулся к сейфу. Пальцы дрожали, когда я набирал код.

Дверца отъехала.

Пистолет на месте. Деньги — пачки долларов и евро — на месте. Документы на квартиру, на фирму...

Стоп.

Где синяя папка? Ее паспорт, диплом, вся эта макулатура?

Пусто.

Она готовилась. Она, бл*дь, готовилась! Это не спонтанный псих. Она забрала документы. Она спланировала это. Пока я трахал Карину, пока я решал дела, эта тихая мышь, эта «мебель» строила план побега у меня под носом!

Я ударил кулаком по стене. Боль прострелила руку, но это только подстегнуло ярость.

— Крыса! Мелкая, неблагодарная крыса!

Взгляд упал на прикроватную тумбочку в спальне. Шкатулка с драгоценностями была открыта.

Я подлетел к ней. Колье, серьги, браслеты — все на месте. Но где кольцо? То самое, обручальное, за пятьдесят тысяч долларов?

Его не было.

В груди поднялась горячая, удушливая волна торжества пополам с презрением.

— А-а-а... — протянул я. — Вот оно что. Гордость гордостью, а камушек прихватила? На первое время, да? Чтобы продать и жить припеваючи?

Картинка в голове сложилась. Меркантильная тварь. Она такая же, как все. Строила из себя святошу, а сама выжидала момент, чтобы свалить с самым дорогим куском.

— Ну все, Сеня. Ты сама подписала себе приговор. Теперь это не семейная разборка. Теперь это война.

Я пошел в кабинет. Мне нужен был виски. И мне нужен был Череп.

Я плеснул в стакан виски на два пальца. Нет, на три. Выпил залпом, не чувствуя вкуса. Алкоголь обжег глотку, но не успокоил. Внутри меня крутился огненный смерч.

Телефон в руке казался раскаленным.

— Макс, — рявкнул я в трубку, как только начальник охраны ответил. — Ко мне. Срочно. И подними записи с камер подъезда и холла за сегодня. С шести утра.

— Что-то случилось, Горман Андреевич?

— У меня жену украли, — ядовито процедил я. — Сама себя украла. Давай, шевелись!

Через десять минут Макс «Череп» — бритоголовый бугай с глазами убийцы и интеллектом шахматиста — стоял в моем кабинете. Он подключил планшет к большому плазменному экрану на стене.

— Смотрим, — коротко бросил он.

На экране появилась картинка с камеры в лобби.

8:15 утра.

Из лифта выходит... чучело.

Я прищурился. Джинсы, растянутый свитер, какая-то убогая куртка. На плече висит спортивная сумка, с которой только на рынок за картошкой ходить. Волосы мокрые, нечесанные.

— Это Есения Викторовна? — осторожно спросил Макс.

— Она, — сквозь зубы выдавил я. — Посмотри на нее. Бомжиха.

Она прошла мимо охраны. Перекинулась парой слов с Сергеем. Тот улыбнулся и открыл ей дверь. Идиот. Уволю к чертям.

Камера на улице.

Она стоит за углом. Жметя к стене, оглядывается, как преступница.

Подъезжает машина. Желтый «Солярис». Грязный, битый. Такси эконом-класса.

Моя жена — женщина, которая ездила на заднем сиденье «Бентли», — садится в эту консервную банку.

— Стоп! — крикнул я. — Номер! Увеличь номер!

Макс приблизил изображение. Цифры были размыты грязью, но читаемы.

— Пробей, куда ехала. Найди водителя. Прямо сейчас.

Макс застучал пальцами по планшету.

Я ходил по кабинету из угла в угол, как тигр в клетке.

Как она посмела? Как она могла так унижить меня? Сбежать в таком виде, на таком корыте... Она растоптала мою репутацию. Если кто-то узнает... Если фото попадут в прессу... «Жена миллиардера Зотова сбежала от мужа в лохмотьях». Заголовки уже плясали перед глазами.

— Нашел, — голос Макса вырвал меня из паранойи. — Заказ через оператора. Конечная точка — улица Подольских Курсантов. Бирюлево Западное.

— Бирюлево? — я замер. — Ты шутишь? Она поехала в гетто?

— Водитель высадил ее у дома 14, корпус 3. Девятиэтажка. Точного номера квартиры нет, заказ был до подъезда. Там камер нет, район глухой.

Я рухнул в кресло. Кожа закрипела.

Бирюлево. Край географии, край жизни. Там живут неудачники, алкаши и гастарбайтеры. И моя жена.

— Что ей там нужно? — бормотал я, крутя стакан. — У нее там хахаль?

Эта мысль пронзила мозг раскаленной спицей. Любовник? У этой серой мыши? Нет, бред. Она фригидна. Она меня-то едва терпела в постели. Кому она нужна со своим постным лицом?

Хотя... В тихом омуте черти водятся. Может, она нашла себе такого же нищebroда, как она сама в прошлом? Какого-нибудь непризнанного художника или инженера?

От ревности потемнело в глазах. Я швырнул стакан в стену. Он разлетелся на осколки, оставив на дорогах обоях мокрое пятно.

— Найди квартиру, — прорычал я. — Переверни там все вверх дном, опроси бабок, алкашей, участкового. Найди, в какой норе она сидит.

— Понял. Отправляю ребят. Привезти ее?

Я задумался.

Просто привезти? За шкурку, как нашкодившего котенка? Нет. Это слишком просто. Она устроила бунт. Она хотела поиграть во взрослоую и независимую?

Она хочет войны? Она ее получит.

Я открыл ноутбук. Банковские счета.

Я знал, что у нее был личный счет, открытый еще до свадьбы. Я никогда его не трогал — там были какие-то гроши, смешно даже смотреть.

Я вбил запрос.

Транзакция сегодня утром. Снятие наличных. Триста тысяч рублей.

Остаток — ноль.

— Триста кусков, — усмехнулся я. — Вот, значит, сколько стоит твоя независимость, Сеня? Триста тысяч и украденное кольцо?

Меня трясло от злости. Она крысила деньги. Она, сука, откладывала их у меня за спиной, пока я осыпал ее подарками. Она планировала это месяцами. Улыбалась мне за ужином, раздвигала ноги (пусть и неохотно), а в голове считала купюры для побега.

Предательство. Чистой воды предательство.

— Горман Андреевич? — Макс ждал указаний.

— Блокируй всё. Вообще всё. Свяжись со всеми банками, где фигурирует ее фамилия. Внеси ее в черные списки службы безопасности. Чтобы ей ни кредита не дали, ни симку новую не продали. Перекрой кислород.

— Сделаем.

— И еще... — Я улыбнулся. Страшной, кривой улыбкой, от которой даже Макс слегка напрягся. — Санаторий.

Мама. Ее любимая, ненаглядная мамочка, которую она любит больше жизни. Галина Сергеевна, которая лежит после инсульта в «Соснах», наслаждаясь массажами и свежим воздухом за мой счет.

Я взял телефон.

Гудки.

— Главврач слушает.

— Добрый день, Вениамин Павлович. Это Зотов.

— О, Горман Андреевич! Рад слышать! Как ваши дела? Мы как раз хотели отправить вам отчет по Галине Сергеевне, динамика положительная...

— Засуньте свой отчет себе в задницу, — перебил я ледяным тоном.

Пауза. Тяжелая, испуганная.

— П-простите?

— Вы меня слышали. Я прекращаю финансирование лечения Галины Беловой. С этой секунды.

— Но... Горман Андреевич... Курс оплачен до конца недели, но прерывать реабилитацию сейчас — это критично! У нее может быть регресс! Мы не можем выписать лежачего пациента просто так!

— Мне плевать, — отчеканил я. — Это больше не мои проблемы. Выставите счет ее дочери. Есении. Пусть она платит.

— Но... вы же знаете, это огромные суммы...

— Я сказал: всё. Никаких лекарств, никаких процедур, никакой VIP-палаты. Переводите в общую или выкидывайте на улицу. Если Есения объявится — передайте ей, что это ее выбор. Я сбросил вызов.

Сердце колотилось как молот. Адреналин бурлил в крови.

Я подошел к панорамному окну. Москва лежала внизу, серая, дождливая, покорная. Где-то там, на окраине, в вонючей хрущевке, сидит моя жена. Жует сухари, сжимает свои жалкие триста тысяч и думает, что победила.

Она думает, что сбежала.

Наивная девочка.

Ты не сбежала, Сеня. Ты просто удлинила поводок. И когда я его дерну, ты захлебнешься.

— Найдите ее, — тихо сказал я Макс, не оборачиваясь. — Но не трогайте. Просто следите. Я хочу знать каждый ее шаг. Когда у нее кончатся деньги, когда она начнет выть от голода, когда она поймет, что натворила...

Я прижался лбом к холодному стеклу.

— Приползешь, — прошептал я своему отражению. — Приползешь на коленях и будешь умолять, чтобы я пустил тебя обратно. И я подумаю, Сеня. Я очень крепко подумаю.

Но глубоко внутри, там, где еще осталось что-то живое, скреблась другая мысль. Страшная.

А что, если не приползет?

Я заглушил этот голос еще одним стаканом виски.

Глава 3

Три часа ночи. Или утра. В Бирюлево время ощущалось иначе, чем на пятьдесят пятом этаже башни «Федерация». Там время текло плавно, отмеряемое боем антикварных напольных часов и сменой освещения в «умном доме». Здесь время капало, как вода из ржавого крана на кухне. Ритмично. Раздражающе. Неотвратимо.

Я сидела за кухонным столом, покрытым клеенкой в мелкий цветочек. Передо мной лежал раскрытый конверт, стопка купюр и калькулятор на экране старого кнопочного телефона.

Триста тысяч рублей.

Два дня назад эта сумма казалась мне спасательным кругом. Подушкой безопасности, на которой можно продержаться пару месяцев, пока я не встану на ноги. Теперь, в тусклом свете сороковаттной лампочки, эта кучка денег выглядела жалко.

Днем позвонили из санатория «Сосны».

— Есения Викторовна? — голос администратора был сухим и колючим, как накрахмаленная простыня. — Мы получили распоряжение от вашего спонсора. Финансирование реабилитации Галины Сергеевны прекращено.

Я тогда чуть не выронила телефон. Горман не стал ждать. Он ударил сразу. Больно. Под дых.

— Я понимаю, — мой голос предательски дрожал. — Я... я внесу оплату сама. Сколько я должна за текущий месяц?

— С учетом медикаментов, физиотерапии и проживания в палате люкс... Двести десять тысяч рублей. Срок оплаты — до понедельника. Иначе мы будем вынуждены перевести пациентку в государственное учреждение по месту прописки.

Государственное учреждение. Для мамы, которая после инсульта только-только начала двигать левой рукой, это был приговор. Очереди, пролежни, запах хлорки и безнадега.

Двести десять тысяч.

Я посмотрела на деньги на столе. Если я отдам долг, у меня останется девяносто тысяч. Аренда этой дыры, залог, еда, проезд. Этого хватит на месяц, если питаться воздухом. А что потом? Следующий месяц будет стоить столько же.

Горман знал, куда бить. Он не просто перекрыл кислород мне. Он приставил пистолет к виску единственного родного мне человека.

— Сволочь, — прошептала я, сжимая кулаки так, что ногти вонзились в ладони. — Какая же ты сволочь, Зотов.

Я сгребла деньги обратно в конверт. Спать не хотелось. Страх, липкий и холодный, ползал по спине, но я загнала его в дальний угол сознания. Паниковать — привилегия богатых девочек. У меня этой роскоши больше нет.

Я открыла ноутбук. Старенький «Asus» зашумел вентилятором, как взлетающий истребитель. Экран засветился синим, освещая обшарпанные стены кухни.

Google. «Работа архитектор Москва». «Работа дизайнер интерьеров вакансии».

Сайты пестрели предложениями. Зарплаты от восьмидесяти до ста пятидесяти тысяч. Смешные деньги по меркам моего прошлого мира, где одна сумочка стоила в три раза больше. Но сейчас эти цифры казались мне богатством.

Я начала составлять резюме.

ФИО: Есения Викторовна Белова.

Возраст: 29 лет.

Образование: МАРХИ (красный диплом).

Опыт работы...

Курсор замер. Последняя запись в трудовой — три года назад. Ведущий архитектор в бюро «Арт-Спейс». А потом — пустота. Черная дыра размером в два года брака.

Что мне написать? «Профессиональная жена»? «Менеджер по организации званных ужинов»? «Специалист по выживанию рядом с тираном»?

Я соврала. Написала «фриланс», «частные заказы». Прикрепила портфолио — старые работы, которые успела сохранить на облаке еще до свадьбы. Они были хорошими. Даже отличными. Но им было три года. В мире дизайна это вечность.

Я разослала отклики везде, где только можно. Двадцать писем. Тридцать.

За окном начало сереть. Промзона просыпалась: загудели первые грузовики, вдалеке залаяли собаки.

Я закрыла ноутбук. Глаза жгло от усталости, но внутри появился стержень. Я найду работу. Я заработаю эти чертовы деньги. Я не дам маме умереть в богадельне, и я не вернусь к Горману.

Даже если мне придется жрать землю.

Утро встретило дождем и запахом мокрого бетона.

Я стояла перед зеркалом в прихожей, критически осматривая свое отражение. Джинсы, бежевая водолазка, простое пальто, купленное еще в студенчестве. Никаких логотипов, никаких бриллиантов. Волосы собраны в тугий хвост. Лицо без макияжа — косметичку я тоже оставила в «прошлой жизни».

— Ты справишься, Сеня, — сказала я своему отражению. — Ты выглядишь как нормальный человек. Не как кукла.

Выход на улицу был похож на выход в открытый космос без скафандра.

Остановка автобуса была забита людьми. Хмурые, сонные, уставшие еще до начала рабочего дня. Они толкались, пытаясь влезть в переполненный салон ПАЗика.

Я втиснулась последней. Двери с шипением закрылись, прижав мое плечо. В нос ударил густой коктейль запахов: перегар, дешевый табак, сырая шерсть и чей-то резкий пот. Меня прижали к потному мужику в болоньевой куртке.

— Осторожнее можно? — буркнула тетка с огромными сумками, отдавив мне ногу.

— Простите, — машинально ответила я.

Внутри все сжалось. Три года я ездила только на заднем сиденье климатизированных авто с тонировкой. Я забыла, что такое общественный транспорт в час пик. Это была мясорубка, перемалывающая человеческое достоинство.

Но в этой давке было что-то честное. Эти люди ехали работать. Они жили, боролись, выживали. И я теперь была одной из них. Не небожительницей из башни «Федерация», а единицей в людском потоке.

Метро «Пражская».

Спуск в подземку. Гул поездов, ветер, сквозняк, толпы, текущие как реки. Я купила карту «Тройка», приложила к турникету. Зеленый огонек.

Добро пожаловать в реальный мир, Алиса. Кроличья нора оказалась глубже, чем ты думала.

Первое собеседование было назначено на десять утра в бизнес-центре на Павелецкой.

Элитное бюро «Гранд-Декор». Стекланные перегородки, белые макбуки, запах свежего кофе и снобизма. Я знала этот запах. Я сама когда-то им пахла.

Девочка-HR, лет двадцати пяти, с идеальной укладкой и в костюме от Zaga, окинула меня взглядом, в котором читалось легкое недоумение. Мои старые джинсы явно не вписывались в их дресс-код.

— Есения Викторовна, верно? — она листала мое распечатанное резюме брезгливо, двумя пальчиками. — МАРХИ... Неплохо. Но у вас пробел в стаже. Два с половиной года. Чем вы занимались?

— Фрилансом, — твердо ответила я. — Частные интерьеры. Загородные дома.

— Портфолио за этот период есть?

— Нет. Заказчики требовали конфиденциальности. Подписывала NDA.

Ложь была слабой. Она это знала. Я это знала.

— Понимаете, Есения... — она отложила лист. — Рынок изменился. Появились новые тренды, новые программы. Мы ищем людей, которые «в потоке». А у вас... скажем так, знания академические, но устаревшие.

— Я быстро учусь. Я знаю AutoCAD, 3ds Max, Revit...

— Revit какой версии?

Я замялась. Я работала в версии трехлетней давности.

— Ясно, — она улыбнулась. Той самой вежливой, резиновой улыбкой, которой посылают на хер в приличном обществе. — Мы вам перезвоним, Есения. Спасибо, что уделили время.

Я вышла из офиса с пылающими щеками.

«Мы вам перезвоним». Перевод: «Ты нам не подходишь, неудачница».

Второе собеседование было через два часа. На другом конце города, на «Электрозаводской».

Это была контора попроще. «Дизайн-Строй». Офис в полуподвале жилого дома.

Директор, грузный мужчина лет пятидесяти с масляными глазками, встретил меня в кабинете, где пахло плохим коньяком и сигаретами.

— Белова? — он смачно затыкнулся, разглядывая меня. Не в глаза. Ниже. На грудь, скрытую водолазкой. — Симпатичная. Муж есть?

— Я в разводе, — отрезала я. — Это имеет значение для вакансии дизайнера?

— Ну как сказать... — он ухмыльнулся, обнажив желтые зубы. — Работа у нас нервная. Иногда задерживаться надо допоздна. С заказчиками встречаться в неформальной обстановке. Понимаешь, о чем я?

Я понимала. Слишком хорошо понимала. Горман тоже так начинал. «Встречи», «переговоры», «сауны».

— Я ищу работу архитектора, а не эскортницы, — я встала.

— Ой, какие мы гордые! — он хохотнул. — А вид-то у тебя не больно богатый, краля. Деньги-то нужны, по глазам вижу. Давай так: оклад сорок, плюс бонусы за... лояльность.

Меня захлестнула ярость. Хотелось взять тяжелую пепельницу со стола и разбить ему голову. Но я просто развернулась и вышла.

— Дверью не хлопай! — крикнул он вслед.

Я вышла на улицу. Дождь усилился. Я стояла под козырьком подъезда, дрожа от холода и унижения.

Два собеседования. Два провала.

Я никто. Я потеряла квалификацию. Я потеряла хватку. Я просто бывшая жена богатого мужика, которая разучилась жить.

— Не реветь, — приказала я себе. — Соберись, тряпка.

В животе заурчало. Я не ела с утра.

Рядом был ларек с шаурмой. Запах жареного мяса и специй показался божественным. Я купила «мини» с курицей за сто пятьдесят рублей. Ела прямо на ходу, жадно кусая горячий

лаваш, и мне было плевать, как я выгляжу. Соус тек по пальцам, дождь мочил лицо, а я жевала и чувствовала вкус жизни.

В кармане завибрировал телефон.

«Никита».

Я ответила, прикрыв трубку рукой от шума улицы.

— Да?

— Сеня, не говори долго, — голос Никиты был напряженным. — Зотов звереет. Он подключил безопасников «Севера». Они пробивают всех твоих бывших однокурсников, друзей, дальнюю родню. Ищут зацепки.

— Пусть ищут. Я призрак.

— Ты не призрак, ты человек с паспортом. Слушай меня. Не устраивайся официально. Если твои данные попадут в Пенсионный фонд или налоговую — система маякнет. У него везде свои люди. Ищи «серую» контору. ГПХ, нал, что угодно, только не трудовая книжка. Поняла?

— Поняла. Спасибо, Никит.

— Будь осторожна. Если он тебя найдет... я не смогу помочь физически. Он меня сотрет.

— Я знаю.

Я сбросила вызов. Вытерла жирные руки влажной салфеткой.

«Серая» контора. Значит, прощай соцпакет и стаж. Привет, конверты и риск, что кинут.

Ну что ж. Где наша не пропадала.

«Строй-Проект».

Название звучало максимально уныло. Офис находился в промзоне на юге Москвы, среди складов и гаражей. Трехэтажное кирпичное здание советской постройки, забор с колючей проволокой, проходная с вертушкой.

Я приехала туда к четырем часам. Это был мой последний шанс на сегодня.

В кабинете начальника проектного отдела было накурено так, что можно вешать топор. На стенах висели чертежи каких-то ангаров и торговых центров.

Игорь Петрович оказался мужчиной суровым. Седой ежик волос, клетчатая рубашка, руки в мозолях — видно, что начинал с прораба, а не с кабинета.

Он не стал смотреть на мои ноги. Он даже в лицо мне толком не посмотрел. Он смотрел в мое портфолио на экране монитора.

— МАРХИ, значит? — прохрипел он, не вынимая сигарету изо рта. — Красный диплом? И чего такая фифа забыла в нашей шараге? У нас тут не Лувр. Мы склады строим, ТЦ эконом-класса. Бетон, металлоконструкции, сэндвич-панели. Скукотища.

— Мне нужна работа, — честно сказала я. — И деньги. Срочно.

— Деньги всем нужны. В автокаде работаешь?

— Да.

— В Архикаде?

— Да.

— Садись, — он кивнул на свободный стол с компьютером. — Вон чертеж. Разрез вентиляции торгового центра. Там ошибка. Найди и исправь. Даю двадцать минут.

Это был тест. Реальный, боевой тест.

Я села за чужой комп. Мышка была старой, проводной, колесико заедало. Монитор тусклый.

Я открыла файл. Линии, цифры, оси. Глаза привычно пробежались по чертежу. Мозг переключился в режим работы. Я забыла про Гормана, про долги, про дождь. Были только я и геометрия.

— Вот, — сказала я через десять минут. — Тут пересечение короба с несущей балкой. И высотные отметки не бьются на полметра. Исправила.

Игорь Петрович подошел, глянул через плечо. Хмыкнул.

— Глазастая. И шустрая.

Он вернулся за свой стол, затушил бычок.

— Короче так, Белова. Нам нужен чертежник. Сроки горят, объект сдавать через месяц, а у меня два оболтуса уволились. Работы дохрена. Оформлять официально времени нет, да и геморрой это. Договор подряда. Зарплата серая. Оклад шестьдесят, плюс премии за переработки. А переработки будут, обещаю. Наличкой в конце месяца. Аванс — через неделю, если не сбежишь. Идет?

Шестьдесят тысяч. В конверте. Без записей в трудовой.

Это было идеально.

— Идет, — выдохнула я.

— Тогда завтра к восьми утра. И оденься попроще, тут пыльно. И мужики у нас простые, матом ругаются.

— Я привыкла, — мрачно улыбнулась я. — Меня матом не испугаешь.

Прошла неделя.

Я узнала, что такое настоящая усталость. Не та «светская усталость» от коктейлей и каблуков, а свинцовая тяжесть во всем теле.

Я вставала в шесть утра. Ела овсянку на воде. Час на автобусе, сорок минут на метро, еще двадцать минут пешком через промзону, уворачиваясь от бродячих собак.

В восемь я была за компьютером. В восемь вечера выползала обратно.

Глаза болели от монитора. Спина ныла. Пальцы пахли грифелем и дешевым мылом.

Но я была счастлива.

Станным, извращенным счастьем выжившего.

Коллектив «Строй-Проекта» оказался нормальным. Игорь Петрович орал только по делу. Коллеги — две тетки-сметчицы и трое парней-инженеров — сначала косились на меня, но когда увидели, что я пашу как вол, приняли.

Мы обедали вместе на маленькой кухне. Ели «Доширак» или принесенные из дома котлеты.

— Сень, ты хлеб будешь? — спрашивала бухгалтерша Вера Павловна, протягивая кусок черствого батона.

— Буду, спасибо.

Я ела этот хлеб и думала, что он вкуснее круассанов из «Кофемании». Потому что здесь никто не смотрел на меня как на вещь. Здесь я была Белова. Спец. «Голова».

В пятницу Игорь Петрович вызвал меня к себе.

— Держи, — он протянул мне конверт. — Аванс. Двадцатка. Ты молодец, Белова. Разгребла за неделю то, что мои охламоны месяц мусолили.

Я взяла конверт. Руки дрожали.

Двадцать тысяч рублей. Четыре бумажки по пять тысяч.

Я вышла в коридор, прижалась спиной к стене и закрыла глаза. Хотелось плакать. Эти деньги были моими. Моими потом и кровью.

Вечером я заехала в банк. Через банкомат (в капюшоне и очках, паранойя никуда не делась) закинула деньги на счет санатория. Это была капля в море, но это было начало.

— Я смогу, — шептала я, глядя, как банкомат пожирает купюры. — Я все смогу.

В понедельник случилась катастрофа.

День начинался обычно. Планерка, крики Петровича, кофе из автомата. Я сидела за своим столом, уткнувшись в проект разводки электрики.

Внезапно зазвонил городской телефон на столе у секретарши Лены.

— «Строй-Проект», добрый день, — пропела она.

Пауза.

Лена изменилась в лице. Ее игривая улыбка сползла, сменившись испугом. Она посмотрела на меня.

— Да... работает такая. А кто спрашивает?

Мое сердце пропустило удар. Ручка выпала из пальцев, покотившись по полу.

— Есения... — Лена прикрыла трубку ладонью. Глаза у нее были круглые. — Тебя. Какой-то мужик. Голос такой... властный. Сказал, что из службы безопасности банка.

Банк. Я не брала кредитов. Я не давала этот номер никому. Откуда?

«Ошибка», — пронеслось в голове. — «Бухгалтерия. Кто-то слил данные. Или пропускная система бизнес-центра».

Я помотала головой.

— Скажи, что я вышла, — одними губами прошептала я. — Скажи, что меня нет.

Лена, умница, кивнула.

— Вы знаете, она сейчас на объекте. Будет только завтра. Что-то передать?

Она слушала ответ, и я видела, как она бледнеет.

— Х-хорошо. Я передам.

Она положила трубку так осторожно, словно та была из нитроглицерина.

— Сень... он сказал: «Передайте ей, что мышка попалась». И повесил трубку.

Земля ушла из-под ног.

Мышка попалась.

Это была его фраза. Гормана.

Он нашел меня.

Как? Неважно. Может, Вера Павловна подала списки на пропуск в бюро пропусков, и моя фамилия засветилась в городской базе. Может, кто-то увидел меня на улице. У дьявола длинные руки.

— Мне надо идти, — я вскочила, опрокидывая стул.

— Сень, ты чего? Ты белая как мел! — Лена испуганно смотрела на меня.

— Лен, если кто-то придет... мужики в костюмах... скажи, что я уволилась. Что я умерла. Что угодно!

Я схватила сумку и рванула к выходу. Не через парадную, где сидел охранник. Через запасной выход, через склад.

Я бежала по коридорам, сбивая углы. Легкие горели. Страх гнал меня вперед, как кнут.

Только не сейчас. Только не снова в клетку. Я только начала дышать!

Я выскочила на задний двор. Здесь было грязно, стояли мусорные баки, пахло гнилью. Дождь лил стеной.

Нужно добежать до остановки. Сесть на любую маршрутку. Затеряться. Сменить квартиру. Сменить симку.

Я обежала здание, направляясь к дыре в заборе, про которую говорили мужики-грузчики. Ноги скользили по грязи. Кеды промокли мгновенно.

Я выбежала на парковку перед офисом. Здесь стояли машины сотрудников: старые «Лады», ржавые иномарки, «Газель» доставки.

И среди этого металлолома, как черный обелиск, возвышался он.

«Гелендваген».

Черный, матовый, с тонировкой «в ноль». Номера — три шестерки. Машина Макса «Череп», начальника охраны Гормана.

Я замерла. Вросла в асфальт. Бежать было некуда.
Задняя дверь «Гелендвагена» медленно открылась.
Из машины никто не вышел. Просто открылась дверь, приглашая внутрь. Из черного провала салона пахнуло теплом и знакомым, до боли знакомым парфюмом. Сандал и табак.
У меня в кармане завибрировал телефон. Не смартфон — старая «кнопочка».
Я достала его дрожащими руками.
СМС с неизвестного номера:
«Набегалась? Садись в машину, Сеня. Или я выйду сам, и тогда этот сарай, в котором ты работаешь, сгорит вместе с твоим новым начальником».
Я подняла глаза.
В окне второго этажа офиса маячил силуэт Игоря Петровича. Он ничего не подозревал. Он дал мне работу, когда все отказали.
Если я побегу — Горман уничтожит их. Он не шутит. Он сотрет эту фирму в порошок просто от злости.
Я посмотрела на черное чрево машины.
Это конец. Моя свобода продлилась ровно десять дней.
Я сделала шаг. Тяжелый, как будто к ногам привязали гири.
Дождь смешивался со слезами на щеках.
— Ты не сломил меня, — прошептала я, сжимая в кармане кулак. — Ты вернул мое тело, но не меня.
Я подошла к машине и села на заднее сиденье.
Дверь захлопнулась с глухим, дорогим звуком, отрезая меня от мира.
В салоне было темно. Только приборная панель светилась зловещим красным светом.
Рядом со мной сидел он.
Горман.
В идеальном костюме, с бокалом виски в руке. Он даже не повернул голову. Смотрел вперед, на грязную парковку.
— Привет, жена, — его голос был тихим, вкрадчивым, страшным. — Долго же ты заставляла себя искать. Я соскучился.
Он повернулся. В темноте блеснули его глаза. Глаза хищника, который загнал добычу.
— А ты похудела, — он протянул руку и коснулся моей мокрой щеки. Его пальцы были горячими. — И одета как бомж. Ничего. Дома отмоем.
— Пошел ты, — выплюнула я, отшатываясь от его руки.
Он рассмеялся.
— О, зубки. Это хорошо. Люблю, когда ты кусаешься. Поехали, Макс. Спектакль окончен.

Машина плавно тронулась, увозя меня обратно в ад.

♥# Нравится книга? Подпишитесь на мою страницу по этой ссылке: <https://litnet.com/shrt/JH13> Просто нажмите кнопку "Отслеживать автора" вверху профиля! Плюсик к карме и +100 к моей мотивации работать еще больше ради Вас! ♥#

Глава 4

Внутри пахло дорогой кожей, мужским парфюмом — тяжелым, с нотами сандала и табака — и опасностью. Этот запах я узнала бы из тысячи. Запах Гормана. За два года брака он пропитал меня насквозь, въелся в поры, в ДНК. Я думала, что смыла его в душе съемной квартиры, но сейчас он накрыл меня цунами, вызывая тошнотворный спазм в желудке.

Машина плавно тронулась. Никаких рывков. Макс «Череп» вел этот танк так, словно вез хрустальную вазу, а не заложницу.

Я вжалась в дверцу, стараясь занимать как можно меньше места. Мокрая куртка неприятно холодила плечи, джинсы липли к ногам. Я чувствовала себя уличной дворнягой, которую поймали и бросили на сиденье лимузина.

Горман сидел рядом.

Он не смотрел на меня. Он вальяжно откинулся на спинку, закинув ногу на ногу. В одной руке — стакан с янтарной жидкостью, другая небрежно лежала на подлокотнике. Идеальный профиль, волевой подбородок, легкая небритость, которая стоила дороже, чем вся моя одежда. Он выглядел как хозяин жизни. Как демон, который вышел на прогулку.

Тишина в салоне была густой, вязкой. Слышно было только шуршание шин по мокрому асфальту и тихий стук льда в его стакане.

— Тебе удобно? — его голос нарушил молчание. Спокойный. Равнодушный. Это пугало больше, чем крик.

— Куда мы едем? — спросила я. Голос предательски дрогнул, и я ненавидела себя за это.

Он медленно повернул голову. В полумраке салона, освещенного лишь огнями приборной панели и мельканием уличных фонарей, его глаза казались черными провалами.

— А ты как думаешь? — он сделал глоток виски, не сводя с меня взгляда. — В спасалон? На Мальдивы? Или, может, сразу в загс, разводиться?

— Горман, прекрати этот цирк. Высади меня. Я не поеду с тобой.

Он усмехнулся. Коротко, зло.

— Ты уже едешь, Сеня. Ты села в машину. Сама. Знаешь, почему? Потому что ты умная девочка. Ты понимаешь, что я бы разнес эту твою контору по кирпичику. Ты спасала своего прораба, да? Благородно. Глупо, но благородно.

— Чего ты хочешь? — я сжала кулаки так, что ногти вонзились в ладони.

— Хочу посмотреть, — он протянул руку.

Я дернулась, но отступить было некуда. Его пальцы — горячие, сухие — коснулись моего подбородка. Жестко повернули мое лицо к свету. Он разглядывал меня, как энтомолог разглядывает редкое насекомое, которое вдруг отравило ядовитое жало.

— Хочу посмотреть, на что ты променяла меня. На что ты променяла нас.

Он брезгливо провел пальцем по вороту моей дешевой водолазки. Зацепил катышек на ткани.

— Синтетика, — констатировал он с отвращением. — Ты носишь синтетику, Есения. Ты, у которой была коллекция шелка от «La Perla». Тебе не чешется?

— Мне нормально, — процедила я, вырываясь из его хватки. — Зато она куплена на мои деньги.

— На твои? — он рассмеялся, и от этого смеха у меня мороз пошел по коже. — На те жалкие копейки, которые ты украла из семейного бюджета? Триста тысяч? Ты серьезно думала, что на этом можно построить жизнь?

— Я их заработала! Я сэкономила!

— Ты крысила, — жестко оборвал он. — У своего мужа.

Машина свернула с шоссе. Я посмотрела в окно. Мы ехали не в центр. Мы ехали в Бирюлево.

— Зачем мы едем ко мне? — догадалась я.

— К тебе? — он выгнул бровь. — У тебя ничего нет, милая. Это не «к тебе». Это в ту дыру, куда ты забилась. Я хочу забрать твои вещи.

— Мне не нужны твои вещи!

— А мне не нужно, чтобы моя жена ходила в обносках. Мы заберем паспорт, заберем твоё барахло и поедём домой. И там... — он сделал паузу, от которой у меня перехватило дыхание, — там мы очень серьёзно поговорим.

— Я не вернусь.

— Вернешься. Куда ты денешься?

Машина затормозила.

Двор моей девятиэтажки выглядел как декорация к фильму про постапокалипсис. Разбитый асфальт, лужи размером с Байкал, переполненные мусорные баки, вокруг которых кружили жирные вороны.

Чёрный «Гелендваген» смотрелся здесь как инородное тело. Как космический корабль, приземлившийся в свинарнике.

Макс заглушил двигатель.

— Сиди здесь, — бросил Горман водителю. — Я сам. Не хватало ещё, чтобы ты испачкался в этом говне.

Он открыл дверь и вышел.

Я вылезла следом. Дождь мгновенно намочил волосы. Я поежилась.

Горман стоял посреди лужи. Его ботинки из крокодиловой кожи тонули в грязной жиже. Он оглядывал фасад дома — серый, с облупившейся краской, с балконами, заваленными хламом — с выражением абсолютного, непередаваемого безразличия.

— Ты живешь здесь? — спросил он тихо. — Здесь?

— Здесь живут обычные люди, Горман.

— Это не люди, Сеня. Это выжившие. И ты... ты выбрала это вместо пентхауса? Вместо меня?

В его голосе прозвучало нечто странное. Обида? Нет, для обиды он был слишком высокомерен. Уязвленное самолюбие. Он не мог поверить, что его золотая клетка проиграла этому бетонному мешку.

— Пошли, — рявкнул он, хватая меня за локоть. — Показывай свои хоромы.

Он тащил меня к подъезду. Я едва успевала перебирать ногами, спотыкаясь о колдобины. У подъезда сидели неизменные бабки. При виде Гормана — высокого, мощного, в костюме, который стоил больше, чем весь их дом, — они замолчали, разинув рты.

Горман даже не взглянул на них. Он распахнул железную дверь подъезда, словно это были ворота в ад.

Запах ударил в нос. Застарелая моча, сырость, жареный лук и кошачий дух.

Горман сморщился, прикрыв нос рукавом пиджака.

— Бл*дь, — выдохнул он. — Здесь что, общественный туалет?

— Лифт не работает, — сказала я, чувствуя мстительное удовлетворение. — Пешком. Пятый этаж.

Он посмотрел на меня как на умалишенную. Но пошел.

Мы поднимались в тишине, нарушаемой только стуком его каблучков по бетону. На третьем этаже кто-то орал пьяным голосом. На четвертом выла собака.

Пятый этаж. Дверь сорок пять. Дерматин, клочья ваты.

— Открывай, — приказал он.

У меня тряслись руки. Ключ не попадал в скважину. Горман вырвал связку у меня из рук, грубо оттолкнув меня плечом. Сам вставил ключ, повернул. Замок скрипнул.

Он распахнул дверь и шагнул внутрь.

Я вошла следом, оставляя дверь приоткрытой. Мне казалось, что если я ее закрою, я задохнусь.

Горман стоял посреди коридора, не разуваясь. Он включил свет. Тусклая лампочка мигнула и осветила убожество моего убежища. Ободранные обои, линолеум с дырами, вешалка из досок.

Он прошел в комнату. Я семенила за ним, чувствуя себя пойманной воровкой.

Он оглядел продавленный диван. Сервант. Стол с клеенкой.

— Пиз*ец, — резюмировал он.

Он подошел к столу. Там стояла моя чашка с недопитым чаем и лежала пачка сухек.

— Ты это ешь? — он взял сушку двумя пальцами, как дохлого таракана. Сжал. Сушка хрустнула и рассыпалась крошками на пол. — Сухари? Серьезно?

— У меня не было времени готовить. Я работаю.

— Работаешь... — он повернулся ко мне. Глаза его потемнели, наливаясь тяжелой, свинцовой яростью. — Чертежницей в сарае? За серую зарплату? Ты меня позоришь, Есения! Ты понимаешь это?!

Он заорал так, что стекла в гнилых рамах задребезжали.

— Позоришь?! — крикнула я в ответ. Страх внезапно исчез, сменившись такой же яростью. — Перед кем? Перед твоими друзьями-бандитами? Или перед твоими шлюхами?

Горман шагнул ко мне. В тесной комнате он казался огромным. Он заполнял собой все пространство, вытесняя воздух.

— Закрой рот, — прошипел он. — Не смей говорить со мной в таком тоне. Ты — моя жена. Ты носишь мою фамилию. А живешь в притоне и жрешь сухари, как нищенка! Ты хоть понимаешь, как это выглядит со стороны? Зотов не может обеспечить бабу! Зотов жмот!

— А мне плевать, как это выглядит! Мне плевать на твою репутацию, Горман! Я ушла, потому что ты вытер об меня ноги!

— Я дал тебе всё! — он ударил кулаком по столу. Чашка подпрыгнула и упала, разбившись вдребезги. Остывший чай растекся лужей по клеенке. — Шмотки, тачки, курорты! Ты жила как королева! А тебе всё мало? Гордость взыграла?

— Королева? — я истерически рассмеялась. — Я была вещью! Дорогим аксессуаром! «Помолчи, Сеня». «Улыбнись, Сеня». «Раздвинь ноги, Сеня»! Ты привел меня в клуб и заставил смотреть, как тебе сосет другая баба! Ты думал, я это проглочу?!

— Да! — рывкнул он. — Должна была проглотить! Потому что ты — никто без меня! Ты ноль! Пустое место!

Он схватил меня за плечи и встряхнул так, что клацнули зубы.

— Собирайся. Немедленно. Бери паспорт. Мы уезжаем.

— Нет.

— Что ты сказала?

— Нет! — я уперлась руками ему в грудь, пытаюсь оттолкнуть. Тщетно. Это было все равно что толкать скалу. — Я никуда не поеду! Я останусь здесь! Я буду жрать сухари, буду спать на полу, но я не вернусь к тебе!

Его лицо исказилось. В глазах вспыхнул опасный огонь. Это была не просто злость. Это было возбуждение. Мое сопротивление заводило его. Он привык к покорной кукле, а теперь в его руках билась живая, дикая кошка.

Он резко прижал меня к стене, вдавливая в старые, пыльные обои. Его тело навалилось на меня, тяжелое, горячее. Я чувствовала его твердость сквозь ткань брюк.

— Не вернешься? — прошептал он мне в губы, обдавая запахом виски. — А кто тебя спросит? Ты моя собственность, Сеня. Я купил тебя. Я плачу за твою мать. Я плачу за твой воздух.

Его рука скользнула вниз, к моему бедру. Он грубо сжал плоть через джинсы.

— Я могу взять тебя прямо здесь. На этом грязном полу. Среди тараканов. И никто не пикнет. Ты жена. Это мой супружеский долг — вразумлять тебя.

— Не смей... — я попыталась ударить его, но он перехватил мои руки и прижал их к стене над головой. Одной рукой.

Второй рукой он рванул ворот моей водолазки. Ткань затрещала.

— Пусти! — закричала я.

— Тише, — он прижался пахом к моему животу, двигаясь, имитируя фрикции. — Ты же хочешь этого. Я вижу. Твое тело помнит, кому оно принадлежит. Ты течешь, Сеня. Я чувствую.

Это было правдой. Мое предательское тело реагировало. Страх смешивался с адреналином и извращенной страстью. Его власть, его сила — это всегда действовало на меня как наркотик. Но разум кричал: «Нет!». Если я сдамся сейчас, он сломает меня окончательно. Он превратит меня в рабыню.

Он наклонился, чтобы поцеловать меня. Грубо, властно.

Я дернулась, изворачиваясь. И в этот момент во мне что-то лопнуло. Какой-то предохранитель, который держался на воспитании, на интеллигентности, на страхе.

Я собрала все силы и ударила его коленом. Не в пах — он был слишком близко, и я не смогла размахнуться, — но в бедро, в мышцу. Больно.

Он охнул и на долю секунды ослабил хватку.

Я вырвала руки и со всей дури толкнула его в грудь.

— Пошел на хер! — заорала я.

Голос сорвался на визг.

Горман отшатнулся. Он замер, глядя на меня с выражением абсолютного шока.

— Что? — переспросил он тихо.

— Пошел на хер, Зотов! — повторила я, чувствуя, как слова вылетают из меня пулеметной очередью. — Ты глухой?! Отвали от меня, бл*дь! Убери свои поганые руки! Я тебе не подстилка! Я человек, сука! Человек!

В комнате повисла звенящая тишина. Слышно было только мое тяжелое дыхание и шум дождя за окном.

Горман стоял, опустив руки. Он выглядел так, словно увидел привидение. Его «серая мышь», его интеллигентная девочка с дипломом МАРХИ, которая никогда не говорила грубее слова «дурак», только что послала его матом. Трехэтажным. Грязным.

Это сбило его с толку. Сексуальный угар слетел, как шелуха. Осталось холодное, расчетливое бешенство.

Он медленно поправил пиджак. Одернул манжеты.

— Ты научилась ругаться, — констатировал он ледяным тоном. — Похвально. Жизнь на помойке идет тебе на пользу. Одичала.

— Убирайся, — прохрипела я. — Вон отсюда. Или я вызову полицию.

— Полицию? — он усмехнулся. — Мою полицию? Вызывай. Они приедут и помогут мне упаковать твои вещи.

— Тогда я... — мой взгляд метался по комнате в поисках оружия. Нож? Он на кухне. Тяжелая ваза? Нет.

Я сделала шаг назад, к столу, хватая осколок разбитой чашки. Острый край впился в ладонь, но я не чувствовала боли.

— Не подходи.

— Ты порежешься, дура. Брось.

— Я сказала: вон! И не думай, что я беззащитна, Горман.

В голову пришла безумная, отчаянная мысль. Блеф. Чистый, наглый блеф. Единственное, что он понимает — это язык силы и компромата.

— Думаешь, я ушла просто так? — я старалась, чтобы голос звучал уверенно, хотя колени дрожали. — Думаешь, я тупая овца?

Он прищурился.

— О чем ты?

— Я не просто сбежала. Я забрала кое-что с собой.

— Кольцо? — фыркнул он. — Я знаю.

— Плевать мне на твоё кольцо! Я смыла его в унитаз! — выкрикнула я, и по его лицу пробежала тень удивления. — Я говорю о другом. О твоём домашнем сервере, Горман.

Он напрягся. Едва заметно. Дрогнул мускул на скуле.

— Ты не знаешь паролей.

— Я жила с тобой два года! — соврала я вдохновенно. — Я видела, как ты их вводишь. Я скопировала всё. Черную бухгалтерию клуба. Списки гостей «особых комнат». Поставки «снега» для твоих вип-клиентов. Видеозаписи с камер в сауне. Там много интересных лиц, правда? Депутаты, прокуроры...

Это был выстрел вслепую. Я не знала наверняка, что там есть, но слухи ходили. И я знала, что Горман хранит компромат на всех. Это его страховка.

— Ты врешь, — тихо сказал он. Но он не двинулся с места.

— Проверь, — я улыбнулась кривой, злой улыбкой. — Тронь меня пальцем. Забери меня силой. И завтра утром эти файлы будут у всех. В Телеграме, в прокуратуре, у твоих конкурентов. Никита поможет разослать.

Упоминание Никиты было рискованным, но это добавило веса моим словам. Он знал, что я общаюсь с Волковым, безопасником конкурентов.

Горман молчал. Он сверлил меня взглядом, пытаясь понять: блеф или нет? В его глазах крутились шестеренки. Он был бандитом, но он был и бизнесменом. Риск был слишком велик. Даже если шанс один на миллион — он не мог рисковать империей ради бабы.

Сексуальное напряжение окончательно угасло. Теперь передо мной стоял враг. Опасный, расчетливый, смертельный.

— Ты играешь с огнем, Есения, — наконец произнес он. Голос звучал глухо. — Ты даже не представляешь, во что ввязываешься.

— Я уже ввязалась. Уходи.

Он постоял еще секунду, оценивая обстановку. Потом медленно кивнул.

— Хорошо. Я уйду.

Я выдохнула, но рано.

Он развернулся и пошел в коридор. У двери он остановился. Оглянулся на меня через плечо. В его взгляде была смесь презрения и... чего-то еще. Восхищения? Нет, скорее, уважения к противнику, который вдруг оказался зубастым.

— Но запомни, Сенья, — сказал он спокойно. — Ты объявила войну. А я пленных не беру.

Он подошел к старой деревянной вешалке, на которой висело мое пальто. И одним ударом кулака, без видимого усилия, снес ее со стены. Дюбеля вылетели вместе с кусками бетона. Пальто рухнуло в грязь на полу.

Я вздрогнула.

— У тебя есть три дня, — сказал он. — Я перекрою тебе кислород. Тебя уволят завтра же. Тебе не сдадут ни одной квартиры в этом городе. Твои карты заблокированы навечно. Твоя мать... ну, ты знаешь.

Он улыбнулся. Страшной улыбкой акулы.

— Через три дня ты будешь жрать землю от голода. Ты приползешь ко мне сама. На коленях. Будешь умолять, чтобы я пустил тебя обратно в свою постель. И я еще подумаю, нужна ли мне такая... проблемная вещь.

— Никогда, — прошептала я.

— Посмотрим. Жду тебя дома, любимая.

Он вышел и со всей силы хлопнул дверью.

Удар был такой силы, что с потолка посыпалась штукатурка, а в серванте жалобно звякнули остатки какой-то посуды.

Я стояла посреди разгромленной комнаты, сжимая в руке осколок чашки. Кровь капала с ладони на пол, но я этого не замечала.

С улицы донесся рев двигателя. Мощный, агрессивный рык «Гелендвагена». Визг шин. И тишина.

Он уехал.

Я разжала пальцы. Осколок упал.

Ноги подкосились, и я сползла по стене на пол, прямо на грязный линолеум.

Меня начало трясти. Адреналиновый откат накрыл волной. Зубы стучали так, что я боялась их раскрошить.

Я сделала это. Я послала его. Я угрожала ему.

Я выиграла этот бой. Но я начала войну, в которой у меня нет шансов. У меня нет никакого компромата. У меня нет денег. У меня нет защиты.

Завтра он уничтожит меня. Он выполнит все угрозы.

Но это будет завтра.

А сегодня... сегодня я осталась свободной.

Я подползла к двери и, всхлипывая, придвинула к ней тяжелый стул, баррикадируя вход. Замок был сломан. Теперь моя крепость держалась на честном слове.

Я свернулась калачиком на полу в прихожей, обняв колени, и закрыла глаза. В темноте квартиры я слышала, как бьется мое сердце.

Тук-тук. Тук-тук.

Живая.

Пока еще живая.

Глава 5 (Горман)

от лица Гормана

В салоне «Гелендвагена» пахло виски и моим собственным бешенством.

Я сидел на заднем сиденье, вытянув ногу. Бедро ныло. Глупая, ноющая боль в мышце — привет от моей «тихой» жены. Синяка еще не было видно под брюками, но я знал, что завтра он расцветет фиолетовым пятном.

Надо же. Ударила.

Я сделал глоток прямо из горла бутылки, которую достал из бара. Жидкость обожгла глотку, но не погасила пожар внутри.

Перед глазами стояло ее лицо. Не то, привычное, фарфоровое, с опущенными ресницами, которое я видел последние два года. А новое. Перекошенное от ярости, с горящими щеками, с расширенными зрачками.

«Пошел на хер, Зотов!»

Этот крик звенел у меня в ушах, перекрывая шум дождя и гул мотора. Она послала меня. Она угрожала мне. Она держала осколок чашки так, словно реально готова была пустить мне кровь.

В штанах стало тесно.

— Твою мать, — прорычал я, откидывая голову на подголовник.

Это было ненормально. Я должен был свернуть ей шею. Я должен был размазать ее по стенке прямо там, в этой вонючей хрущевке. Любой другой на моем месте так бы и сделал. Но вместо ярости я чувствовал извращенное, дикое восхищение.

Моя «мебель» ожила. Моя карманная кукла отрастила клыки.

Но тут же, как ледяной душ, накрыло воспоминание о ее словах.

«Я скопировала файлы с сервера. Черная бухгалтерия. Поставки снега. Видео из сауны».

Если это правда — мне конец. Не просто бизнесу. Мне. С такими данными не живут. Меня закроют лет на пятнадцать, если не грохнут раньше мои же «партнеры», чьи рожи засветились на тех записях.

Я выхватил телефон. Пальцы слегка дрожали — не от страха, от адреналина.

— Стас, — рявкнул я в трубку, как только начальник IT-отдела ответил. — Спишь?

— Нет, Горман Андреевич. Работаю. Что-то случилось?

— Случилось. Мне нужен полный аудит моего домашнего сервера. Башня «Федерация». Прямо сейчас. Проверь логи за последние два года.

— Что ищем?

— Утечки. Скачивания массивов данных. Копирование на внешние носители. Подключения левых устройств. Проверь учетку жены. Есенин.

— Понял. Дайте десять минут.

Я сбросил вызов и уставился в окно. Москва плыла мимо, размазанная дождем в цветные полосы.

Десять минут. Шестьсот секунд, чтобы узнать, держит ли моя жена меня за яйца или просто играет в покер.

Если она не врала... мне придется ее убрать. Не посадить, не запугать. Убрать. Потому что такой риск я оставить не могу. От этой мысли внутри все сжалось в тугую, болезненный узел. Я не хотел ее смерти. Я хотел ее покорности.

Телефон ожил ровно через девять минут.

— Ну? — выдохнул я.

— Горман Андреевич, чисто, — голос Стаса звучал уверенно. — Трафик девственный. Никаких массовых выгрузок. Учетка Есении Викторовны использовалась только для просмотра фильмов и заказа еды. Никаких флешек, никаких облачных хранилищ. Последняя активность — три дня назад, сериал на «Кинопоиске».

Я закрыл глаза и рассмеялся. Громко, хрипло, запрокинув голову. Макс, сидевший за рулем, бросил на меня быстрый взгляд в зеркало, но промолчал.

— Уверены?

— Абсолютно. Система безопасности «Цитадель» не дала сбоя. Если бы она хоть байт скопировала, у нас бы сирена орала.

— Спасибо, Стас. Премию выпиши себе.

Я швырнул телефон на соседнее сиденье.

Блеф.

Чистый, наглый, красивый блеф. Она стояла передо мной, дрожала как осиновый лист, но смотрела в глаза и врала так вдохновенно, что я — человек, который видит ложь за километр, — поверил. Поверил на секунду, но этого хватило, чтобы я отступил.

— Ай да Сеня, — прошептал я, чувствуя, как губы растягиваются в улыбке. — Ай да сукина дочь.

Она рискнула всем. Жизнью рискнула. И выиграла раунд.

Но она забыла одно правило казино: заведение всегда выигрывает в конце.

Я сделал еще глоток виски. Теперь вкус казался сладким. Страх за бизнес ушел, остался только азарт охотника. Она объявила войну? Хорошо. Она получит войну. Тотальную. На уничтожение.

— Макс, — позвал я.

— Да, Горман Андреевич.

— Завтра с утра мне нужно полное досье на эту ее контору. «Строй-Проект», кажется? Кто директор, чем дышат, какие грехи. И найди мне контакты владельцев той халупы в Бирюлево.

— Сделаем. Будем прессовать?

— Будем уничтожать, Макс. Я обещал ей ад. А я, бл*дь, человек слова.

Утро началось не с кофе, а с казни.

Я сидел в своем кабинете в клубе «Одержимость». Черный дуб, кожа, приглушенный свет. Здесь я чувствовал себя пауком в центре паутины.

Передо мной лежала папка. «ООО Строй-Проект». Директор — Петров Игорь Петрович. Оборот — копейки. Нарушений — вагон: серые зарплаты, нарушения пожарной безопасности, мигранты без патентов.

Классическая российская шарага. Идеальная мишень.

Я набрал номер, указанный в досье как «личный мобильный».

Гудок. Второй.

— Да? Петров, — хриплый, прокуренный голос.

— Доброе утро, Игорь Петрович, — я говорил тихо, вежливо, тем тоном, от которого у умных людей встают дыбом волосы на затылке. — Это Зотов. Горман Андреевич.

Пауза. Тяжелое сопение в трубку. Имя мое в городе знали.

— Э-э... Здравствуйте. Чем обязан? Мы вроде не пересекались...

— У вас работает одна сотрудница. Новенькая. Есения Белова.

— Ну, допустим. Чертежница. А что? Она что-то натворила?

— Она существует, Игорь Петрович. Это ее главная ошибка. И ваша тоже, раз вы ее пригнали.

Я откинулся в кресле, вертя в руках тяжелую золотую зажигалку.

— Увольте ее. Сейчас же.

— Послушайте, Зотов... — голос прораба окреп, в нем прорезались нотки мужицкой упертости. — Она хороший спец. За неделю разгребла то, что мои месяц делали. С чего я должен ее увольнять? У нас Трудовой кодекс, вообще-то...

— Трудовой кодекс? — я рассмеялся. — Игорь Петрович, не смешите мои тапочки. У вас половина штата на птичьих правах, а вторая половина получает зарплату в конвертах. Вы хотите поговорить о кодексе с налоговой? Или с миграционной службой?

— Это угроза?

— Это прогноз погоды. Если через десять минут Есения Белова не вылетит из вашего офиса без выходного пособия и с волчьим билетом — к вам приедут гости. Сначала пожарные, и они найдут нарушения, из-за которых ваш сарай закроют на девяносто суток. Потом налоговая заблокирует счета. А потом... потом приедут мои ребята и просто вежливо объяснят вам, что вы не правы.

Тишина. Я слышал, как он дышит. Тяжело, с хрипом. Он считал варианты. Он понимал, что я не блефую.

— Она просила... ей деньги нужны. У нее мать больная.

Жалость. Мерзкое чувство.

— Мне плевать, — отрезал я. — Выбирайте, Игорь Петрович. Или одна чертежница, или весь ваш бизнес. Время пошло.

Я не стал ждать ответа. Я сбросил вызов.

Я знал, что он сделает. У него нет выбора. Своя шкура всегда дороже.

В дверь постучали. Вошел Макс.

— Горман Андреевич, по квартире. Там собственники — два брата, алкаши. Мы вышли на них. Предложили двойную цену за аренду, плюс ящик водки сверху.

— И?

— Согласны. Хотя сейчас готовы ее выставить.

— Отлично. — Я посмотрел на часы. Полдень. — Пусть выставляют. Сегодня. Вечером. Часов в семь, когда она вернется с «работы», которой у нее уже нет. И проследи, чтобы это было жестко. Вещи на лестницу. Замки сменить. Пусть посидит на ступеньках, подумает о своем поведении.

— Жестоко, — заметил Макс без эмоций.

— Воспитание — процесс болезненный. Свободна?

Макс вышел.

Я подошел к бару. Рука привычно потянулась к бутылке. Двенадцать дня, а мне уже нужно выпить.

Я налил себе на два пальца. Выпил залпом.

Внутри скреблось странное чувство. Пустота. Я уничтожал ее жизнь, перерезал ниточки одну за другой, но удовольствия не было. Было ощущение, что я заколачиваю гвозди в крышку гроба, в котором лежу сам.

— Приползешь, — прошептал я стакану. — Никуда ты не денешься. Деньги кончатся, гордость кончится. Жрать захочешь — приползешь.

Вечер накрыл город свинцовым одеялом. Дождь лил не переставая, смывая грязь с тротуаров и надежду из душ.

Я сидел в VIP-комнате клуба. На столе — початая бутылка, фрукты, которые никто не ест, и дорожка белого порошка, которую я так и не тронул. Я завязал с этим дерьмом год назад, когда мы с Есенией начали планировать ребенка (еще одна моя провальная идея), но сейчас искушение было велико.

Я ждал звонка.

Телефон молчал.

Макс доложил два часа назад: «Уволили. Вышла из офиса бледная, шаталась. Сейчас едет в Бирюлево».

Час назад: «Хозяева не пустили в квартиру. Вещи выкинули. Она сидит на сумке у подъезда. Звонит кому-то. Наверное, подругам. Но вы же знаете, мы всех предупредили».

Я ждал, что она позвонит мне.

Ну же, Сеня. Ты на улице. У тебя нет работы. У тебя нет денег. Ты промокла, тебе холодно. Смири гордыню. Набери мой номер. Скажи: «Горман, забери меня».

Я бы приехал. Клянусь, я бы приехал через полгорода по пробкам. Я бы забрал ее, отогрел, накормил. Да, я бы потом вытрахал ей мозги за побег, но сейчас... сейчас я хотел просто услышать ее голос.

Но телефон молчал. Черный экран издевательски отражал свет лампы.

— Сука, — прорычал я.

Мне нужно было сбросить напряжение. Меня трясло, как наркомана в ломке.

Я нажал кнопку вызова персонала.

— Пришлите кого-нибудь, — бросил я администратору. — Новенькую. Блондинку. И чтобы рот закрыла и делала, что скажу.

Через пять минут дверь открылась. Вошла девушка. Ангел. Белые локоны, голубые глаза, платье, которое едва прикрывало задницу. Кристина, кажется. Или Анжела.

— Привет, милый, — она улыбнулась профессиональной улыбкой. — Хочешь расслабиться?

Я не ответил. Я просто указал на стол.

— Сюда. Раком.

Она не обиделась. Она привыкла. Она залезла на стол, отодвинув бутылку ногой в дорожной туфле, и выгнула спину.

Я подошел сзади. Рванул молнию на ширинке.

Мне нужно было забыться. Мне нужно было почувствовать власть. Почувствовать горячее, живое тело, которое подчиняется мне.

Я вошел в нее резко, грубо, без прелюдий. Она ахнула — то ли от боли, то ли играя роль.

— Да, хозяин... — зашептала она. — Какой ты большой...

Меня передернуло. Фальшь. Дешевая, липкая фальшь.

Я двигался механически, пытаюсь поймать ритм, пытаюсь найти то ощущение кайфа, которое всегда спасало. Я закрыл глаза.

И увидел Есению.

Не эту крашеную куклу, а мою Сеню. Вчерашнюю. В грязных джинсах, с растрепанными волосами, прижатую к стене в убогой квартире.

Я вспомнил, как ее тело дрожало под моими руками. Не от покорности, а от сопротивления. Как ее глаза метали молнии. Как она пахла — дождем и страхом, а не приторными духами.

— Пошел на хер, Зотов! — прозвучало в голове ее голосом.

И всё.

Желание пропало. Мгновенно. Как будто выключили свет. Член, который секунду назад был каменным, обмяк.

Я замер.

Блондинка почувствовала это. Она обернулась, хлопая накладными ресницами.

— Что-то не так, котик? Тебе помочь? Я могу ротиком...

— Пошла вон, — тихо сказал я.

— Что?

— Вон пошла! — заорал я, отталкивая ее. Она чуть не свалилась со стола, взвизгнула. — Оделась и исчезла! Быстро!

Она схватила свои трусики и вылетела из комнаты, как пробка из бутылки.

Я остался один.

С расстегнутыми штанами, с бешено колотящимся сердцем и полным пониманием пиздеца.

Я не мог трахнуть другую бабу.

Мой член отказывался работать с кем-то, кроме нее. Кроме этой предательницы, этой мыши, которая сейчас мокла под дождем в Бирюлево.

Она отравила меня. Она сломала меня. Я был зависим.

— Тварь, — я рухнул на диван, закрывая лицо руками. — Что ты со мной сделала?

День второй прошел в тумане.

Я не поехал в офис. Я сидел в пентхаусе, пил и смотрел на отчеты, которые присылал Макс.

Фотографии. Сделанные из машины наружного наблюдения.

Вот она сидит в «Макдоналдсе» (или как там сейчас это называется?). Ест картошку фри. Лицо серое, под глазами круги.

Вот она идет по улице с сумкой. Ночует в каком-то хостеле на окраине. Я пробил этот хостел — ночлежка для гастарбайтеров. Клопы и вонь.

Я смотрел на эти фото, увеличивал ее лицо на планшете. Мне было больно. Физически больно видеть ее такой.

«Позвони, дура. Позвони, и через час ты будешь лежать в ванне с пеной, а я буду кормить тебя клубникой. Зачем ты это делаешь? Зачем мучаешь себя? И меня?»

Но она не звонила.

К вечеру второго дня я был пьян и зол до чертиков. Я ходил по пустой квартире, пинал мебель. Зашел в гардеробную, зарылся лицом в ее платья. Они все еще пахли ею.

Я швырнул хрустальную вазу в стену. Осколки брызнули во все стороны.

Почему я не могу просто плюнуть? Забыть? Найти другую? У меня очередь из моделей стоит. Моложе, красивее, сговорчивее.

Но мне не нужны были модели. Мне нужна была эта упертая, тощая, злая женщина, которая посмела сказать мне «нет».

Я понял страшную вещь: я не ломаю ее. Я ломаю себя об нее.

День третий.

Я проснулся в кабинете клуба на диване. Голова трещала. Во рту был привкус меди.

Десять утра.

Срок ультиматума истек.

Я умылся ледяной водой, посмотрел на себя в зеркало. Красные глаза, щетина. Вид не победителя, а побитого пса. Но костюм сидел идеально. Броня на месте.

Зашел Макс.

— Горман Андреевич. Новости из санатория.

— Ну?

— Главврач звонил. Оплату не внесли. Они начали оформлять документы на перевод Галины Сергеевны. Скорая уже выехала, чтобы везти ее в 68-ю горбольницу.

Я кивнул. Это был последний козырь. Самый грязный, самый жестокий.

Есения могла терпеть голод. Могла спать с клопами. Но мать... Мать она не бросит.

Если она не сдастся сейчас — значит, я проиграл. Значит, ее ненависть ко мне сильнее любви к матери.

Я сел в кресло, положил руки на стол. Ждать. Оставалось только ждать.

Минуты текли, как гудрон.

10:15.

10:30.

10:45.

Телефон молчал.

Я начал терять надежду. В груди разрасталась холодная паника. Неужели она не придет? Неужели она позволит матери умереть в коридоре бесплатной больницы, лишь бы не видеть меня?

Если так... то я не знаю эту женщину.

Дверь кабинета открылась без стука.

Макс стоял на пороге. Лицо у него было странное. Растерянное.

— Горман Андреевич...

— Что? — рявкнул я, вскакивая.

— Она здесь.

Мир качнулся.

— Кто?

— Есения Викторовна. Она внизу. На охране.

Меня накрыло. Волна облегчения была такой силы, что у меня подогнулись колени. Я оперся руками о стол, чтобы не упасть.

Пришла.

Господи, она пришла.

Я закрыл глаза на секунду, вдыхая воздух. Победа. Это победа. Я сломал ее. Я заставил ее вернуться.

Но радости не было. Было только чувство, что я избежал расстрела.

— Пусть поднимется, — сказал я хрипло. — И подготовь бумаги. Договор займа. Реструктуризация долга. Я хочу, чтобы все было оформлено жестко.

— Понял. Зову.

Макс исчез.

Я быстро привел себя в порядок. Поправил галстук. Сел в кресло, приняв позу хозяина жизни. Нога на ногу, пальцы сцеплены в замок. Лицо непроницаемое.

Я должен выглядеть как победитель. Она не должна видеть, что я умирал без нее эти три дня.

Дверь открылась снова.

Она вошла.

Я ожидал увидеть раздавленное существо. Заплаканную, дрожащую тень.

Но вошла валькирия.

Да, она выглядела ужасно. Джинсы грязные, пальто мягкое, под глазами залегли черные тени, губы обветрены. Она похудела еще сильнее, скулы выпирали так, что казалось, прорежут кожу.

Но она не плакала. И она не смотрела в пол.

Она смотрела прямо на меня. В ее глазах не было смирения. В них была ледяная, мертвая решимость камикадзе, который идет на таран.

Глава 6

Кабинет Гормана в клубе «Одержимость» был похож на склеп фараона. Темный дуб, черная кожа, приглушенный свет, выхватывающий из полумрака дорогие безделушки, и запах — тяжелый, густой запах денег, власти и сандала.

Я стояла перед массивным столом, вцепившись побелевшими пальцами в край столешницы. Ноги дрожали. Не от страха — страх выгорел еще там, в машине, пока мы ехали сквозь дождливую Москву. Ноги дрожали от банального, унижительного физического истощения. Я не ела почти сутки, если не считать того куса хлеба, которым поделилась Вера Павловна на работе. На той работе, которой у меня больше нет.

Горман сидел в своем кресле-троне, вальяжно откинувшись на спинку. Пиджак он снял, рукава белоснежной рубашки были небрежно закатаны, обнажая сильные предплечья с темными волосками и золотыми часами, стоимость которых могла бы прокормить все Бирюлево в течение года.

Он не сводил с меня глаз. В его взгляде не было торжества, которого я ожидала. Там было что-то темное, тягучее, собственническое. Так смотрят на вещь, которую потеряли, долго искали и наконец нашли в грязи — немного испорченную, но всё еще свою.

— Садись, — он кивнул на гостевое кресло.

— Я постою, — мой голос хрипел, связки словно наждаком натерли.

— Садись, Есения. Не хватало еще, чтобы ты рухнула в обморок на мой ковер. Он персидский, химчистка дорого стоит.

Я села. Не потому что послушалась, а потому что колени подогнулись сами. Кожаное кресло приняло меня в свои объятия, но комфорт казался ловушкой.

— Итак, — Горман сцепил пальцы в замок. — Ты вернулась.

— Я пришла договориться, — поправила я, стараясь держать спину прямо. — Я знаю про санаторий. Ты перекрыл оплату. Это подло, Горман. Даже для тебя. Моя мать ни в чем не виновата.

— В этом мире нет невиновных, Сеня. Есть только те, кто платит, и те, за кого платят. Твоя мать жива и получает лучший уход в стране только потому, что я так решил. Ты забыла об этом, когда бежала, сверкая пятками?

— Я не забыла. Я собиралась платить сама.

— Сама? — он усмехнулся. Зло, коротко. — Чем? Теми жалкими копейками, которые ты получала в своей шараге? Или теми тремя сотнями, которые ты украла у меня?

— Я не украла! Это были мои сбережения!

— Это были деньги из семейного бюджета. Юридически — совместно нажитое имущество, которым ты распорядилась без моего ведома. Но мы отвлеклись.

Он открыл папку, лежавшую перед ним, и достал лист бумаги.

— Ситуация следующая, дорогая жена. Твоя мать сейчас находится в буферной зоне. Документы на выписку уже подписаны. Скорая помощь государственной больницы номер шестьдесят восемь стоит у ворот санатория. Знаешь, что такое шестьдесят восьмая? Коридоры, забитые каталками, запах мочи, одна медсестра на пятьдесят лежащих больных. С ее диагнозом она протянет там максимум неделю. Пролежни, пневмония, конец.

У меня перехватило дыхание. Перед глазами поплыли круги.

— Не смей...

— Я смею всё, Есения. Я плачу за банкет. Нет денег — нет музыки.

— Мы разводимся, — выпалила я. Это была моя последняя линия обороны. — Я подаю на развод. Прямо сейчас. Я требую раздела имущества. По закону мне полагается половина

всего, что нажито в браке. Твои счета, этот клуб, квартиры... Половины хватит, чтобы оплатить маме лечение в лучшей клинике мира до конца дней!

Горман смотрел на меня несколько секунд, а потом рассмеялся. Громко, искренне, запрокинув голову. Этот смех хлестнул меня по лицу сильнее пощечины.

— Развод? Раздел имущества? — он вытер выступившую от смеха слезу. — Ох, Сеня... Ты вроде умная баба, МАРХИ закончила, а несешь такую чушь. Ты забыла, что мы подписывали перед свадьбой?

— Брачный контракт, — прошептала я.

— Именно. Железобетонный брачный контракт, который составляли мои юристы. Лучшие акулы в этом городе. Там черным по белому написано: в случае развода по любой причине каждый остается при своем. Ты получаешь то, с чем пришла. А пришла ты, напомним, с голой жопой, дипломом и больной матерью.

Он подался вперед, его лицо мгновенно стало жестким, каменным.

— Ты не получишь ни копейки. Ни метра жилплощади. Более того, если мы начнем судиться, я встречным иском повешу на тебя долги. У меня отличные адвокаты, Сеня. Они докажут, что ты нанесла мне моральный ущерб, украла фамильные драгоценности (кольцо-то тью-тью), слила коммерческую тайну... Я раздену тебя догола. Ты сядешь в тюрьму, а твоя мать сдохнет в богадельне, пока ты будешь шить рукавицы в Мордовии. Ты этого хочешь?

Я молчала. Возразить было нечего. Я знала, что он может это сделать. Он может купить судью, прокурора, свидетелей. Против его машины я — пыль.

— Вижу, что не хочешь, — кивнул он, довольный произведенным эффектом. — Поэтому забудь слово «развод». Ты останешься моей женой. Официально.

— Зачем? — выдохнула я. — Зачем я тебе? Ты меня ненавидишь. Я тебя ненавижу. Зачем тебе этот фарс?

— Потому что я так хочу. Потому что то, что принадлежит мне, остается со мной. И потому что ты еще не отработала свой долг.

Он развернул лист бумаги и толкнул его по полированной столешнице ко мне.

— Читай.

Это был договор. Не брачный, нет. Договор займа и оказания услуг.

Я вчитывалась в строчки, и буквы плясали перед глазами.

«Я, Белова Есения Викторовна, признаю наличие долговых обязательств перед Зотовым Горманом Андреевичем в размере 5 000 000 (пяти миллионов) рублей...»

— Пять миллионов? — я подняла на него ошарашенный взгляд. — Откуда такая сумма? Лечение стоит двести тысяч в месяц!

— Двести десять. Плюс расходы на частных детективов, которые искали твою задницу по всей Москве. Плюс убытки моего бизнеса, потому что я три дня не работал, а занимался твоими истериками. Плюс моральный ущерб. Я оценил свои нервы дешево, скажи спасибо.

Я продолжила читать.

«...обязуюсь погасить задолженность путем оказания услуг Личного помощника по бытовым вопросам... График работы: ненормированный, 24/7... Проживание по месту требования Заказчика... Запрещено покидать территорию без письменного разрешения... Запрещены контакты с третьими лицами без согласования...»

Внизу мелким шрифтом было приписано еще кое-что. Штрафные санкции. За каждый факт неповиновения, саботажа или попытку побега долг увеличивается на десять процентов.

Это было рабство. Оформленное по всем правилам Гражданского кодекса, но по сути — рабство.

— Ты псих, — сказала я тихо. — Ты больной ублюдок, Зотов.

— Возможно, — он не стал спорить. — Но у этого больного ублюдка сейчас палец лежит на кнопке «Отправить» в банковском приложении. Один клик — и санаторий получит деньги

за полгода вперед. Твоя мама останется в люксе, ей сделают массаж, принесут фрукты. Второй вариант — я блокирую телефон, и через час она на улице.

Он достал свой айфон и положил его на стол экраном вверх. Там действительно было открыто приложение банка. Сумма перевода светилась зеленым.

— Решай, Сеня. Время вышло.

В кабинете повисла тишина. Я слышала, как гудит кондиционер, как стучит кровь в моих висках.

Выбора не было. Его не было с самого начала. Я была пешкой, которая возомнила, что может сбить короля с доски.

Я взяла ручку. «Parker», тяжелая, золотая. Она казалась раскаленной.

— Будь ты проклят, — прошептала я.

И поставила подпись. Резко, с нажимом, так что перо прорвало бумагу.

Горман даже не улыбнулся. Он просто нажал кнопку на телефоне.

— Готово. Деньги ушли. Можешь позвонить в санаторий, проверить, если не веришь.

Я отшвырнула ручку.

— Я верю. Что дальше? Наденешь на меня ошейник?

— Не утрируй. Ошейник — это пошло. Но правила изменятся.

Он встал, обошел стол и присел на край столешницы прямо передо мной, нависая своей громадой.

— Давай сюда телефон. И симку.

Я достала из кармана джинсов кнопочный телефон Никиты.

Горман брезгливо взял его двумя пальцами. Отщелкнул заднюю крышку, вынул аккумулятор, достал сим-карту.

Хрусть.

Маленький кусочек пластика сломался в его пальцах пополам.

— Никаких Никит. Никаких подружек. Никаких «левых» контактов. Твой круг общения теперь — я и домработница. Если тебе нужно будет позвонить врачу — позвонишь с городского.

Он швырнул обломки симки в мусорную корзину. Аппарат полетел туда же.

— Держи.

Он протянул мне коробку с новым айфоном.

— Там стоит моя учетка. Я вижу твою геолокацию, историю браузера, звонки, сообщения. Шаг влево, шаг вправо — штраф. Ты поняла?

— Я не тупая.

— Вот и умница. И еще...

Он достал из кармана банковскую карту. Не «Infinity», не «Gold». Обычную, дебетовую карту какого-то простенького банка.

— Твоя зарплата. Я буду переводить сюда деньги на карманные расходы. Лимит — пятьсот рублей в день.

— Пятьсот рублей? — я усмехнулась. — Ты щедр, господин.

— На прокладки и зубную пасту хватит. Еда дома есть. Одежда у тебя есть — полный гардероб, который ты бросила. Если понадобится что-то еще — напишешь служебную записку, я рассмотрю.

Он наслаждался. Он упивался каждым словом, каждым моментом моего унижения. Он строил вокруг меня забор, кирпичик за кирпичиком, превращая мою жизнь в тюрьму строгого режима.

— Вставай, — скомандовал он. — Поехали домой. Ты воняешь бомжатником, Сеня. Тебя нужно отмыть.

Обратный путь в машине я помнила смутно. Мир вокруг начал плыть. Сказывалось нервное напряжение и дикий голод. Перед глазами мелькали черные мушки.

Я сидела, прислонившись лбом к холодному стеклу, и смотрела на огни вечерней Москвы. Красивые, яркие, чужие.

В животе предательски заурчало. Громко, на весь салон.

Горман, уткнувшийся в планшет, поднял голову.

— Ты когда ела в последний раз?

— Вчера. В обед.

Он хмыкнул. Не сочувственно. Скорее, с раздражением, как механик, который обнаружил, что в машине закончился бензин.

Он открыл мини-бар, встроенный в спинку переднего сиденья. Достал оттуда протеиновый батончик в шуршащей упаковке.

— На. Жри.

Он кинул батончик мне на колени.

Я посмотрела на эту подачку. Шоколад с орехами. Спортивное питание.

Гордость кричала: «Выкинь! Швырни ему в рожу! Не смей брать еду из его рук!».

Но тело... Тело предало меня. Желудок скрутило спазмом, во рту набралась слюна. Я была всего лишь биологическим организмом, которому нужна глюкоза, чтобы не сдохнуть.

Я медленно, дрожащими пальцами разорвала обертку. Откусила маленький кусочек. Вкус был приторно-сладким, химическим, но в тот момент он казался манной небесной.

Горман наблюдал за мной. Внимательно, не мигая.

— Вкусно? — спросил он с издевкой.

— Да пошел ты, — прожевав, ответила я.

— Ешь, Сеня. Ешь. Тебе нужны силы. Тебе еще отрабатывать пять миллионов.

Я доела батончик до последней крошки. Я проглотила это унижение вместе с шоколадом. Потому что я должна выжить. Я должна пережить его. Переиграть. Рано или поздно он ошибется.

Лифт мягко звякнул, открывая двери в наш... нет, в его пентхаус.

Тот же запах. Дорогие ароматизаторы, озон, чистота. Тот же мраморный пол, в котором отражались лампы.

Ничего не изменилось за эти дни. Дом стоял незыблемо, равнодушный к моим драмам.

Навстречу вышла Людмила, наша домработница. Женщина лет пятидесяти, добрая, молчаливая. Увидев меня, она всплеснула руками.

— Есения Викторовна! Господи, нашлись! А мы уж думали... Вы такая бледная, боже мой...

— Свободна, Люда, — рявкнул Горман, входя следом за мной. — Иди к себе. На сегодня ты нам не нужна.

— Но может, ужин? Чай?

— Я сказал: свободна!

Людмила испуганно кивнула, бросила на меня сочувственный взгляд и семенила в сторону крыла для персонала.

Мы остались одни.

Горман снял пиджак, бросил его на банкетку. Ослабил галстук.

— Ну, добро пожаловать в ад, дорогая, — усмехнулся он. — Иди в спальню. Раздевайся. Меня словно током ударило.

— Нет.

Он замер, расстегивая запонки.

— Что «нет»?

— Я не пойду в спальню. В твою спальню. В контракте сказано «Личный помощник». Там нет ни слова о том, что я должна спать с тобой в одной кровати.

Его глаза сузились.

— Ты — моя жена.

— Я — твоя должница. Рабыня. Домработница. Но я не шлюха, Горман. Ты сам сказал: «Я тебя силой не возьму». Я буду спать в гостевой.

Он шагнул ко мне. Я инстинктивно сжалась, ожидая удара или захвата. Но он остановился в полуметре. От него исходила волна жара и агрессии.

— В гостевой, значит? — процедил он. — Брезгуешь? После клоповника в Бирюлево моя постель тебе не подходит?

— Там было честнее.

Он смотрел на меня, и я видела, как ходят желваки на его скулах. Он хотел меня ударить. Или трахнуть. Или и то, и другое. Но он сдержался.

— Хорошо, — сказал он неожиданно спокойно. Слишком спокойно. — Валяй. Живи в гостевой. Но запомни: в моем доме нет закрытых дверей. Замок с той комнаты я приказал снять еще утром.

— Что?

— Ты слышала. Никаких замков. Никаких секретов. Я могу зайти к тебе в любой момент. Проверить, как ты... выполняешь обязанности.

— Ты чудовище.

— Я твой муж, Сеня. Иди мойся. От тебя несет дешевым мылом и бунтом. У тебя двадцать минут. Потом жду на кухне. Я голоден.

Гостевой санузел был скромнее хозяйского, но по сравнению с ванной в съемной квартире это был дворец. Теплый пол, пушистые полотенца, зеркала без разводов.

Я закрыла дверь (щеколды не было, он и здесь все предусмотрел) и стянула с себя грязную одежду. Джинсы полетели в корзину для белья. Водолазка туда же.

Я посмотрела на себя в зеркало.

Зрелище было жалкое. Ребра торчат, кожа бледная, с серым оттенком. На бедре наливался огромный синяк — след от удара об стол, когда мы дрались в Бирюлево. На запястьях — красные следы от его пальцев.

— Красавица, — горько усмехнулась я.

Я включила душ. Вода была горячей, мягкой. Я стояла под струями, закрыв глаза, и позволяла воде смывать с меня грязь последних дней. Пыль промзоны, липкий пот страха, запах чужих подъездов.

Я намылилась гелем. Аромат лаванды и бергамота окутал меня облаком.

И тут меня прорвало.

Я сползла по гладкой плитке на пол, обхватила колени руками и зарыдала. Беззвучно, чтобы он не услышал. Слезы смешивались с водой душа.

Я плакала не от горя. Я плакала от унижения. Потому что мне было приятно. Приятно стоять под горячей водой. Приятно вытираться мягким полотенцем. Мое тело радовалось комфорту, предавая мой дух. Я ненавидела этот комфорт. Я ненавидела эту золотую клетку, но за ее пределами был холод и голод, и я оказалась слишком слабой, чтобы выдержать это.

— Соберись, — шептала я себе, размазывая слезы. — Соберись. Не дай ему увидеть твою слабость.

Я вышла из душа через пятнадцать минут. Надела чистый домашний костюм, который нашла в шкафу гостевой (мои вещи были перенесены сюда, видимо, по его приказу). Серый хлопок, никаких кружев.

Волосы замотала в тюрбан из полотенца.

Вздохнула, как перед прыжком в прорубь, и пошла на кухню.

Горман сидел за островом, уткнувшись в ноутбук. Перед ним стоял бокал красного вина. Он переоделся в домашнее — черные спортивные брюки и простая футболка, которая обтягивала широкие плечи.

Увидев меня, он захлопнул крышку ноутбука.

— Чистая, — констатировал он, окинув меня взглядом. — Уже лучше. А теперь — ужин.

— Что ты хочешь? — спросила я сухо.

— Удиви меня. Ты же помощница по хозяйству. Прояви фантазию.

Я подошла к холодильнику. Он был забит продуктами. Стейки мраморной говядины, овощи, сыры, рыба.

Готовить стейк я не стала. Слишком много чести. Я достала яйца, молоко, помидоры.

— Будет омлет.

— Омлет? — он выгнул бровь. — На ужин?

— Это быстро и питательно. Если не нравится — закажи доставку. Или уволь меня.

Он усмехнулся и сделал глоток вина.

— Дерзишь. Это хорошо. Значит, силы есть. Готовь свой омлет.

Я начала готовить. Движения были автоматическими. Разбить яйца, взбить венчиком, нарезать помидоры. Я старалась не смотреть на него, но чувствовала его взгляд спиной. Он сверлил меня. Наблюдал за каждым движением. Как я наклоняюсь, как режу овощи.

В этом взгляде была тяжесть. Он раздевал меня глазами, присваивал заново.

Я поставила тарелку перед ним. Пышный омлет с томатами и зеленью.

— Приятного аппетита.

— А себе?

— Я не голодна.

— Врешь. У тебя живот к позвоночнику прилип. Садись и ешь. Я не люблю есть в одиночестве.

Я положила себе небольшую порцию и села напротив. Кусок в горло не лез, но я заставила себя есть.

Горман ел молча, запивая вином.

Вдруг он резко поставил бокал на стол. Вино плеснуло через край, красная лужа растеклась по белому мрамору столешницы.

Я вздрогнула.

— Ой, — сказал он без тени сожаления. — Разлил. Какая неприятность.

Он посмотрел на меня. В глазах плясали бесята.

— Убери, Сеня.

Это была провокация. Чистой воды дрессировка. «Апорт, собачка».

Во мне вскипела злость. Хотелось взять этот бокал и разбить об его голову. Или выплеснуть остатки вина ему в лицо.

Но я вспомнила маму. Санаторий. Контракт. Штрафные санкции.

Я молча встала. Взяла тряпку у раковины. Подошла к нему.

Он не отодвинулся. Он сидел, развалившись на стуле, и наблюдал, как я вытираю пятно рядом с его рукой. Мое лицо было близко к его лицу. Я чувствовала запах вина и его дыхание.

— Тщательнее, — прошептал он. — Чтобы ни капли не осталось.

Я вытерла стол. Скомкала тряпку.

— Все? — спросила я ледяным тоном. — Или мне еще ботинки тебе почистить?

— На сегодня хватит, — он откинулся назад, довольный. — Можешь быть свободна. Иди спать. Завтра подъем в семь. У меня кофе, у тебя — список дел.

— Спокойной ночи, — бросила я и вышла из кухни, чувствуя, как его взгляд прожигает дыру между моими лопатками.

Гостевая комната находилась в дальнем конце коридора. Раньше здесь останавливались редкие гости или родители Гормана (когда они еще приезжали).

Теперь это была моя камера.

Я зашла внутрь и первым делом проверила дверь.

Действительно. Замка не было. Вместо поворотного механизма в ручке зияла аккуратная дырка.

— Параноик, — прошептала я.

Он лишил меня даже иллюзии безопасности.

Я легла в кровать, натянув одеяло до самого подбородка. Свет выключила, но сон не шел. Я лежала в темноте, прислушиваясь к звукам дома.

Шорохи. Скрип паркета.

Шаги.

Тяжелые, уверенные шаги в коридоре.

Он шел.

Сердце заколотилось где-то в горле, отдаваясь набатом в ушах. Я сжалась в комок, задержав дыхание.

Шаги приблизились к моей двери. Остановились.

Я смотрела на полоску света под дверью, не моргая.

Ручка медленно, беззвучно повернулась. Дверь открылась.

Свет из коридора резанул по глазам. В проеме стоял Горман. Высокий темный силуэт.

Он не вошел. Он стоял на пороге, опираясь рукой о косяк, и смотрел на меня. Я не видела его лица, но чувствовала этот взгляд. Тяжелый. Давящий. Одержимый.

Я ждала, что он сделает шаг. Что он подойдет, дернет одеяло, возьмет то, что считает своим по праву сильного. Я приготовилась драться, кусаться, царапаться.

Но он стоял. Минуту. Две.

Это была пытка. Психологическое изнасилование. Он показывал: «Я могу зайти в любой момент. Ты нигде не спрячешься. Ты моя».

Наконец, он хмыкнул. Тихо, удовлетворенно.

— Спи, должница, — произнес он хрипло.

Дверь закрылась. Полоска света исчезла.

Я выдохнула, чувствуя, как по виску скатывается капля холодного пота.

Он ушел. На этот раз.

Но я знала: это только начало. Он будет изводить меня ожиданием. Он будет играть со мной, как кот с мышью, пока у меня не сдадут нервы.

— Не дожدهшься, — прошептала я в подушку. — Я выживу. Я вытерплю. И однажды я найду способ сбежать по-настоящему.

Глава 7

Будильник на айфоне сработал в 6:30. Стандартная мелодия «Радар», которая теперь казалась мне звуком тюремной сирены, возвещающей о начале нового дня в аду.

Я открыла глаза, уставившись в белый потолок гостевой комнаты.

Первые несколько секунд, пока мозг еще плавал в вязком тумане сна, я надеялась, что все это — кошмар. Что сейчас я повернусь, увижу обшарпанные обои съемной квартиры в Бирюлево, услышу шум грузовиков за окном и пойду на работу в «Строй-Проект», где пахнет пылью и дешевым кофе.

Но нет.

Воздух пах озоном и дорогой системой кондиционирования. Простыни были из египетского хлопка — гладкие, прохладные, безупречные. А за стеной, в хозяйской спальне, спал мой владелец.

Я села на кровати. Тело ломило. Не от физической нагрузки, а от постоянного напряжения. Я спала, свернувшись в тугой узел, готовая в любой момент вскочить и защищаться. Двери без замка — это изощренная пытка. Ты вроде бы одна, но затылком чувствуешь: он может войти.

Я встала, сунула ноги в тапочки.

— Начинается, — прошептала я своему отражению в зеркале.

Бледная, с темными кругами под глазами, в сером домашнем костюме, который больше напоминал робу заключенного.

Я вышла в коридор. Тишина. Горман еще спал.

Мой рабочий день начинался.

На холодильнике, примагниченный магнитом с видами Рима (наша поездка три года назад, когда мы были счастливы, господи, как давно это было), висел лист бумаги.

«Список задач на 15.11».

Почерк Гормана. Резкий, размашистый, с острыми углами.

Кофе. Строго в 7:30. Кения, средняя обжарка. Без сахара.

Рубашки. Голубая и серая. Погладить. Если увижу хоть одну складку — будешь переглаживать весь гардероб.

Завтрак: яйца пашот, тост с авокадо, лосось.

Химчистка. Собрать костюмы, вызвать курьера.

Кабинет. Протереть пыль. Ничего не трогать на столе. Сдвинешь хоть бумажку — штраф.

Я читала этот список, и внутри поднималась горячая волна ненависти. Он специально писал это. Мелочно, дотошно, как для умственно отсталой. Он превращал меня в функцию.

— Ладно, — выдохнула я. — Хочешь прислугу? Будет тебе прислуга.

Я включила кофемашину. Достала яйца.

Я двигалась по кухне как робот. Отключить эмоции. Отключить воспоминания. Я не жена. Я не Есения. Я — персонал. Если я начну чувствовать, я сойду с ума. Или воткну ему вилку в глаз.

В 7:25 я поставила чашку дымящегося кофе на стол. Рядом — тарелку с идеальным яйцом пашот (я научилась их готовить еще в первый год брака, чтобы радовать его).

В 7:30 открылась дверь спальни.

Горман вошел в кухню.

Он уже принял душ и был одет в брюки, но торс оставался голым. Капли воды блестели на широкой груди, на кубиках пресса. Он знал, что хорош собой. И он знал, как это на меня действовало раньше.

Он прошел мимо, обдав меня волной геля для душа и своего естественного запаха — мускуса и силы. Раньше я бы подошла, обняла его со спины, прижалась щекой к лопатке...

Я отвернулась к раковине и начала мыть сковородку.

— Доброе утро, Сеня, — его голос был бодрым, издевательски приветливым.

— Доброе утро, Горман Андреевич.

Он хмыкнул, садясь за стол. Взял чашку. Сделал глоток.

Пауза.

Я спиной чувствовала, как он напрягся.

— Что это? — тихо спросил он.

Я повернулась.

— Кофе. Кения. Средняя обжарка.

— Я просил без сахара.

— Там нет сахара.

— Он сладкий! — рявкнул он, с грохотом ставя чашку на блюдце. Кофе выплеснулся на скатерть. — Ты что, оглохла? Или читать разучилась? Я просил без сахара!

Я смотрела на него спокойно. Я точно знала, что не клала сахар. Он врал. Он провоцировал. Он хотел, чтобы я начала оправдываться, спорить, плакать.

— Извините, — ровным тоном произнесла я. — Видимо, сбой в программе. Я переделаю.

Я подошла, взяла чашку. Вылила содержимое в раковину. Молча.

Сполоснула чашку. Засыпала новые зерна. Нажала кнопку.

Горман наблюдал за мной, барабанил пальцами по столу.

— Ты даже не будешь спорить?

— Зачем? Клиент всегда прав.

— Я не клиент, Сеня! Я твой муж!

— Вы мой работодатель, Горман Андреевич. Согласно пункту 1.2 договора.

Я поставила перед ним новую чашку.

— Ваш кофе. Без сахара. Приятного аппетита.

Он смотрел на меня с нескрываемой злостью. Мое спокойствие его бесило. Ему нужен был скандал, нужен был выход энергии, а я давала ему вату. Мягкую, гасящую удар вату.

Он схватил чашку, сделал глоток, обжегся, чертыхнулся, но промолчал. Придаться было не к чему.

— Рубашку, — бросил он.

— В гардеробной. Поглажена.

Он встал, резко отодвинув стул, и вышел, даже не притронувшись к завтраку.

1:0 в мою пользу.

Днем он уехал в клуб. Я осталась одна в этой золотой клетке.

У меня был список дел. Я перемыла посуду, собрала вещи для химчистки, протерла пыль в кабинете, стараясь даже не дышать на его бумаги.

Каждый угол этого дома кричал о прошлом. Вот диван, на котором мы смотрели фильмы, укрывшись одним пледом. Вот ковер, на котором мы занимались любовью после новогодней вечеринки. Вот ваза, которую мы купили вместе на блошином рынке в Париже.

Я ходила по дому, как призрак. Я запретила себе чувствовать.

Около двух часов дня я услышала звук открывающегося замка. Горман вернулся? Так рано?

Я была в постирочной, сортировала белье.

Шаги. Тяжелые, быстрые.

Он вошел в постирочную.

— Есения.

Я подняла голову.

Горман стоял в дверях. Он выглядел взвинченным. Галстук сбит набок, верхняя пуговица рубашки расстегнута.

— Да?

— Мне нужно принять душ. И переодеться. У меня встреча вечером.

— Чистые полотенца в ванной.

— Я знаю, где полотенца! — он раздраженно провел рукой по волосам. — Мне нужно... подготовь мне синий костюм. И запонки. Те, с ониксом.

— Хорошо.

Я отложила белье и пошла в гардеробную. Он шел следом, буквально дыша мне в затылок.

В спальне он начал раздеваться прямо на ходу. Сбросил пиджак на пол (специально, чтобы я подняла). Расстегнул рубашку.

Я доставала костюм, стараясь не смотреть в его сторону.

— Сенья.

Я не обернулась.

— Есения! — в голосе прорезалась сталь.

Я повернулась.

Он стоял посреди комнаты абсолютно голый.

Одежда валялась грудой у его ног. Он стоял, широко расставив ноги, демонстрируя себя. Он был красив, черт бы его побрал. Мощный, поджарый, с рельефными мышцами. И он был возбужден. Полуэрекция, которую невозможно не заметить.

Это была прямая, грубая, животная провокация. Он хотел увидеть мою реакцию. Смущение? Желание? Отвращение? Хоть что-то.

Я скользнула взглядом по его телу. Как врач на медосмотре. Никаких эмоций. Просто фиксация факта.

— Костюм готов, — сказала я, указывая на вешалку. — Запонки на комод. Вам подать чистое белье?

Его лицо вытянулось. Он ждал чего угодно, но не этого.

— Ты... — он задохнулся от возмущения. — Тебе совсем плевать? Я стою перед тобой голый! Я твой мужик, которого ты любила!

— Вы стоите на сквозняке, Горман Андреевич. Кондиционер работает на полную. Прикройтесь, простудите почки. Лечение нынче дорогое, а мне еще долг отрабатывать.

Я открыла ящик комода, достала упаковку черных боксеров «Calvin Klein» и протянула ему.

— Возьмите.

Он смотрел на мою руку, потом на мое лицо. В его глазах полыхнуло бешенство пополам с растерянностью. Его оружие — его сексуальность — дало осечку.

Он вырвал трусы из моей руки так резко, что чуть не вывихнул мне пальцы.

— Пошла вон! — рявкнул он.

— Слушаюсь.

Я вышла из спальни и аккуратно прикрыла дверь.

За дверью я прижалась спиной к стене и закрыла глаза. Сердце колотилось как бешеное. Ноги подкашивались. Видеть его таким... Это было больно. Мое тело помнило его. Мое тело хотело его, предательски отзываясь влагой внизу живота.

Но я скорее умру, чем покажу ему это.

Пятница. Вечер.

Я надеялась, что он уедет тусоваться в клуб и вернется под утро пьяным. Тогда мне не придется его видеть.

Но в семь вечера домофон звякнул.

— Открывай, — голос Гормана. — Я не один.

Я открыла дверь.

Горман вошел, пропуская вперед девушку.

Высокая, длинноногая, с гривой нарощенных волос цвета платины. На ней было платье-комбинация, которое стоило как моя почка, и туфли на шпильке такой высоты, что это казалось нарушением законов физики.

Я узнала ее. Вика. Инстаграм-модель, миллион подписчиков, лицо брендов белья. Типичная «трофейная жена» для выхода в свет.

— Проходи, детка, — Горман обнял ее за талию, хозяйски положив ладонь на ягодицу. — Чувствуй себя как дома.

Вика огляделась, надув губки, накачанные гиалуронкой.

— Ой, Горман, какой вид! Потрясающе! А это кто?

Она уставилась на меня. Я стояла в прихожей в своем сером костюме, без макияжа, с хвостом на затылке. Тень. Мебель.

Горман посмотрел на меня с ленивой усмешкой.

— Это? Познакомься, Вика. Это Есения. Моя... помощница по хозяйству.

Не жена. Не бывшая жена. Помощница.

— А-а, — протянула Вика, теряя ко мне интерес. — Здрасьте. Горман, я хочу вина.

— Конечно, милая. Есения!

Я выпрямилась.

— Да?

— Накрой на стол в гостиной. На двоих. Открой «Amagone» 2015 года. И сделай легкие закуски. Сыр, фрукты. Живее.

Это было вино, которое мы привезли из Италии. Мы хранили его для «особого случая». Годовщины или рождения ребенка.

Теперь я должна была открыть его для этой куклы.

— Будет сделано, — сказала я.

Я пошла на кухню. Руки тряслись, когда я доставала бутылку из винного шкафа. Мне хотелось разбить ее. Мне хотелось насыпать битого стекла в их еду.

«Терпи, — приказала я себе. — Это проверка. Он хочет, чтобы ты сорвалась. Не дай ему этого удовольствия».

Я нарезала сыр, разложила виноград. Откупорила бутылку, дала вину подышать.

Вынесла поднос в гостиную.

Они сидели на диване. Вика уже скинула туфли и забралась с ногами на подушки, положив голову ему на плечо. Горман гладил ее колено, что-то шепча ей на ухо. Она смеялась — звонко, фальшиво.

Я поставила поднос на столик.

— Ваше вино.

— Разлей, — скомандовал Горман, не глядя на меня.

Я налила вино в бокалы. Темно-рубиновая жидкость плескалась у краев.

— М-м-м, — Вика сделала глоток. — Вкусно. Горман, ты такой щедрый!

— Для тебя — всё самое лучшее, — он поцеловал ее в шею, глядя прямо на меня. — Есения, ты свободна. Иди к себе. Но далеко не уходи, вдруг нам что-то понадобится.

— Приятного вечера, — я развернулась и ушла.

Я шла по коридору, чувствуя, как его взгляд прожигает мне спину. Я знала, что он разочарован. Он ждал сцены ревности. Он ждал, что я вылью вино на Вику.

А я просто ушла.

Моя комната была в конце коридора. Но звукоизоляция в пентхаусе, как выяснилось, была хорошей только от внешнего шума. Внутри звуки разносились отлично.

Через полчаса они перешли в спальню.

Горман оставил дверь приоткрытой. Специально.

Сначала были смешки. Потом музыка стала громче. Потом началось.

Стоны Вики. Громкие, театральные.

— О да, Горман! Еще! Сильнее! Ты бог!

Скрип кровати. Шлепки тела о тело. Рычание Гормана.

Я сидела на кровати, зажав уши ладонями, и раскачивалась из стороны в сторону, как аутист.

Это была пытка звуком. Изошренная, грязная. Я знала, что он делает это специально. Он не просто спал с ней — он выступал. Громкие шлепки, скрип пружин, гортанные стоны, которые были слишком театральными, чтобы быть искренними.

— Ах, ты животное! — визжала Вика за стеной. — Да, вот так! Рви меня!

К горлу подступила тошнота.

«Не слушай. Не слушай. Это не твой муж. Это просто работа. Ты в отеле. За стеной шумные соседи».

Я сползла с кровати и начала рыться в тумбочке. Где-то здесь, в ящике, валялись старые проводные наушники от айфона, которые я забыла тут полгода назад.

Нашла!

Дрожащими пальцами я распутала узел проводов. Воткнула штекер в свой новый телефон (слава богу, разъем подходил или был переходник).

Я включила музыку. Самое тяжелое, что было в плейлисте. Rammstein. Громкость на максимум.

«DU... DU HAST...»

Басы ударили по перепонкам, отсекая стоны Вики и рычание Гормана. Я легла обратно, накрылась одеялом с головой и закрыла глаза.

В моем мире остался только Тилль Линдеманн и темнота.

Я не знаю, сколько это продолжалось. Час? Два? Я уснула под грохот немецкого индастриала, так и не вынув наушники.

Утро субботы.

Я проснулась от того, что наушник больно врезался в ухо. В комнате было светло.

Тишина.

Я вынула наушники. Прислушалась. В пентхаусе было тихо.

Может, она ушла?

Я встала, привела себя в порядок. Надела тот же серый костюм. Моя униформа. Моя броня.

Вышла на кухню.

И замерла.

За моим столом, на моем месте сидела Вика. На ней была белая рубашка Гормана, застегнутая на одну пуговицу. Рукава закатаны, обнажая тонкие запястья. Волосы спутаны — та самая «секси-небрежность», над которой стилисты трудятся час.

Она пила кофе из моей любимой кружки.

Увидев меня, она лениво потянулась, демонстрируя длинные голые ноги.

— О, прислуга проснулась. Доброе утро.

— Доброе утро, — сухо ответила я, проходя к кофемашине.

— Слышала нас ночью? — она хихикнула, глядя на меня поверх кружки. — Горман был просто ненасытным. Зверь, а не мужик. Я думала, он меня пополам сломает. Бедняжка, как ты с ним жила? Или он с тобой так не старался?

Я молча достала другую чашку. Налила себе воды.

— Вам что-то нужно? Завтрак?

— Кофе холодный, — она скривилась, отодвигая кружку. — Сделай новый. Капучино. И побольше пены.

Я вздохнула. Ладно. Кофе — это входит в обязанности.

Я начала готовить капучино.

Вика не унималась. Ей было мало победы в постели, ей нужно было унижить меня морально. Она чувствовала себя хозяйкой положения.

— Слушай, — протянула она, разглядывая свой маникюр. — Я там в ванной, в хозяйской, бросила белье. Трусики и лифчик. Кружево, дорогое, La Perla. Постирай их вручную, ладно? В машинке нельзя, испортишь. И погладь мое платье, оно помялось вчера.

Я замерла с питчером молока в руке.

Медленно повернулась к ней.

— Что?

— Ты глухая? — она закатила глаза. — Трусы мои постирай. И платье погладь. Горман сказал, ты тут всем занимаешься.

Во мне поднялась холодная, спокойная волна бешенства.

Я поставила молоко на стол.

— Нет.

Вика перестала разглядывать ногти.

— Что ты сказала?

— Я сказала «нет», — я смотрела ей прямо в глаза. — Я — личный помощник Гормана Андреевича. В моем контракте прописано обслуживание дома и выполнение его поручений. Обслуживание его одноразовых подстилок в мои обязанности не входит.

Лицо Вики пошло красными пятнами.

— Ты кого подстилкой назвала, мышь серая?! Да я сейчас Горману скажу, он тебя вышвырнет! Ты знаешь, кто я?!

— Знаю. Ты — Вика. Инстаграм-аккаунт, миллион ботов, реклама патчей и китайских купальников. А теперь послушай меня, Вика. Хочешь чистые трусы — стирай сама. Хочешь кофе — нажимай кнопку. А мне не указывай.

— Ах ты сука! — она вскочила, опрокидывая стул.

В этот момент открылась дверь спальни.

На пороге возник Горман. В домашних штанах, взлохмаченный, сонный.

— Что за ор? — рыкнул он, шурясь от света.

Вика тут же преобразилась. Из фурии она превратилась в обиженную девочку. Губки задрожали, на глазах выступили слезы.

— Горман! — она бросилась к нему, прижимаясь всем телом. — Твоя прислуга мне хамит! Она меня оскорбила! Я попросила кофе, а она назвала меня подстилкой! Уволь ее! Выгони эту хамку!

Горман посмотрел на нее. Потом перевел взгляд на меня.

Я стояла у кофемашины, скрестив руки на груди. Спокойная. Равнодушная.

— Это правда? — спросил он меня.

— Частично, — ответила я. — Она потребовала, чтобы я стирала ее нижнее белье вручную. Я отказалась. Пункт 4.5 договора: «Выполнение поручений третьих лиц не предусмотрено».

Горман перевел взгляд обратно на Вику. Она висела на нем, теребя пуговицу на его рубашке — моей рубашке, которую я гладила вчера.

И вдруг я увидела, как меняется его лицо.

В его глазах, еще секунду назад затуманенных сном, проступило раздражение. Не на меня. На нее.

Вика висела на нем, визжала, требовала, качала права. Она нарушила главное правило его дома — она стала неудобной. Она возомнила себя хозяйкой там, где была всего лишь дорогой игрушкой на одну ночь.

А я стояла молча. И в этом молчании было больше достоинства, чем во всем ее тюнигованном теле.

Горман медленно отцепил ее руки от своей шеи. Брезгливо, как снимают прилипшую пиявку.

— Ты попросила ее постирать твои трусы? — спросил он тихо, но от этого тона температура в комнате упала на пару градусов.

— Ну да! — Вика не поняла перемены погоды. — А что такого? Она же прислуга! Пусть отработывает свой хлеб! Горман, скажи ей!

Горман посмотрел на белую рубашку, которая была надета на Вике. На мою работу. Я гладила ее вчера, выверяя каждую складку, чтобы он выглядел идеально. А теперь эта рубашка была на чужой женщине, пахла ее духами и потом.

Его лицо исказила гримаса отвращения.

— Снимай, — сказал он.

Вика захлопала ресницами.

— Что?

— Рубашку снимай. Сейчас же.

— Горман, ты чего? — она нервно хихикнула. — Я же голая под ней...

— Мне плевать. Это моя рубашка. Есения ее для меня готовила, а не для того, чтобы ты вытирала об нее свою тоналку. Снимай!

Он рывкнул так, что Вика подпрыгнула.

— Ты больной! — взвизгнула она, дрожащими пальцами расстегивая пуговицы. — Да пошел ты! Я в сториз выложу, какой ты мудак!

— Попробуй, — Горман скрестил руки на груди. — И я выложу видео с камер наблюдения, как ты нюхаешь кокс в туалете клуба. Твои рекламные контракты сгорят за час.

Вика побледнела. Она сбросила рубашку на пол, оставшись в чем мать родила. Но Горман даже не посмотрел на ее голое тело. Он смотрел сквозь нее.

— Шмотки свои забрала. И чтобы через две минуты духу твоего здесь не было.

Вика схватила свое платье и туфли, бросила на меня полный ненависти взгляд и выбежала из кухни, рыдая в голос.

Через минуту хлопнула входная дверь.

В пентхаусе повисла тишина. Густая, тяжелая, звенящая.

На полу валялась белая рубашка.

Горман стоял посреди кухни, тяжело дыша. Он был взвинчен. Адреналин бурлил в его крови. Он выгнал ее не ради меня. Он выгнал ее, потому что она посмела нарушить его комфорт. Но теперь он ждал. Ждал моей реакции.

Он медленно повернулся ко мне. Его глаза горели темным огнем. Он искал в моем лице хоть что-то: благодарность? Торжество? Злорадство?

— Ну? — выдохнул он. — Довольна?

Я посмотрела на рубашку на полу. Потом на него.

Лицо мое оставалось маской. Ни один мускул не дрогнул.

— Вы будете завтракать, Горман Андреевич? — спросила я ровным голосом. — Или мне сначала убрать в спальне? Нужно сменить постельное белье после гостии?

Это был контрольный выстрел.

Его лицо окаменело. На секунду в глазах мелькнула растерянность — такая детская, такая искренняя, что мне почти стало его жаль. Почти.

Он ожидал скандала. Ожидал сцены. Но я ударила его равнодушием. Я свела все произошедшее ночью и утром к бытовой задаче: смене грязных простыней.

— Ты... — прошептал он. — Тебе плевать?

Я молчала.

— Тебе совсем плевать?! — вдруг заорал он, срываясь с места.

В два шага он преодолел расстояние между нами. Схватил меня за плечи, впечатал спиной в холодильник. Магнетики посыпались на пол.

— Я только что трахал ее! Всю ночь! Громко! Ты же слышала! Я знаю, что ты слышала!

Его лицо было в сантиметре от моего. Я видела расширенные зрачки, чувствовала запах перегара и зубной пасты. Его руки причиняли боль, впиваясь в плечи.

— Слышала, — ответила я спокойно, глядя ему прямо в глаза. — У вас хорошая акустика.

— И ты ничего не чувствуешь?! — он тряхнул меня. — Ни ревности? Ни боли? Я твой муж, черт возьми!

— Вы мой работодатель. В моем контракте не прописаны эмоции. Моя задача — обеспечить чистоту белья и наличие завтрака. Личная жизнь заказчика меня не касается.

— Не ври мне! — он занес кулак, и ударил по дверце холодильника рядом с моим ухом. Металл вмялся. — Не ври! Ты ненавидишь меня! Скажи это! Закричи! Ударь меня! Сделай хоть что-нибудь живое!

Я даже не моргнула.

— Я могу идти менять белье? — спросила я. — Или у вас будут еще распоряжения?

Он замер. Его грудь тяжело вздымалась. Он смотрел на меня, как на инопланетянку. Как на сложный механизм, который вдруг перестал реагировать на рычаги управления.

Он понял.

Он понял, что проиграл.

Он вернул мое тело в этот дом. Он запер меня в клетке. Он лишил меня денег, связи и свободы. Но он потерял меня. Той Есении, которая плакала от его холодности, которая ждала его у окна, которая любила его до дрожи — ее больше нет. Он убил ее своими руками.

А перед ним стояла кукла. Идеальная, послушная, холодная кукла.

Он медленно разжал пальцы. Отступил на шаг.

В его глазах погас огонь ярости, уступив место серой, беспросветной тоске.

— Убирайся, — прохрипел он. — С глаз моих. Вон.

Я кивнула.

— Слушаюсь.

Я обошла его, стараясь не задеть, и направилась к выходу из кухни.

В дверях я обернулась. Не удержалась.

Горман стоял посреди кухни, опустив голову. Одиноким. Раздавленный собственной победой. Он пнул валявшуюся на полу рубашку.

— Сука, — услышала я его шепот. — Какая же ты сука, Сеня.

Я пошла в прачечную за чистыми простынями.

Руки мои не дрожали. Сердце билось ровно.

Я выиграла этот раунд. Я научилась быть камнем.

Но проходя мимо бара в гостиной, я услышала звук открываемой бутылки. Горман начал пить. В девять утра.

Надвигалась буря. Я чувствовала это кожей. Его терпение лопнуло. Моя тактика «серого камня» сработала, но у нее был побочный эффект: он больше не хотел играть. Он хотел крушить.

Глава 8

Я лежала в гостевой спальне, уставившись в темноту. Часы на тумбочке показывали 02:14.

Сна не было. Тело гудело от напряжения, мышцы сводило судорогой. Я чувствовала себя канатоходцем, который стоит над пропастью уже третьи сутки без права на отдых. Моя тактика «серого камня» — полного, тотального безразличия — работала, но она высасывала из меня жизнь по капле. Быть мебелью оказалось труднее, чем быть человеком.

За стеной было тихо. Горман перестал ходить час назад.

Весь вечер он пил. Я слышала звон стекла, звук открываемых бутылок, тяжелые шаги, от которых вибрировал паркет. Он бродил по квартире как раненый зверь, запертый в клетке. Он искал повод. Искал зацепку, чтобы сорваться. Но я не выходила из комнаты, лишив его мишени.

Теперь горло пересохло так, что язык казался наждачной бумагой. Обезвоживание от стресса. Мне нужна была вода. Просто стакан холодной воды.

Я села на кровати, прислушиваясь. Тишина.

— Он спит, — убедила я себя шепотом. — Он выпил столько, что должен был вырубиться.

Я встала. На мне была простая хлопковая сорочка на тонких бретелях — единственное, что я нашла в недрах гардеробной из «старых запасов», не вызывающее отвращения своей роскошью. Она доходила до колен, белая, почти детская.

Я открыла дверь. Петли, смазанные дорогой смазкой, не издали ни звука.

Коридор тонул в полумраке. Только дежурная подсветка вдоль плинтусов отбрасывала на пол длинные, зловещие тени.

Я шла босиком, ступая осторожно, как вор. Прошла мимо его кабинета — дверь закрыта. Мимо гостиной — пусто.

Кухня была в конце коридора, совмещенная с огромной столовой зоной.

Я вошла в арку и замерла.

Он был там.

Горман не спал.

Он сидел за кухонным островом, в темноте. Единственным источником света были огни ночной Москвы, пробивающиеся сквозь панорамные окна, и маленький красный огонек сигареты.

Он курил. Прямо в доме. Раньше это было табу. «Дом должен пахнуть чистотой», — говорил он. Теперь дом пах дорогим табаком, виски и бедой.

Я хотела развернуться и убежать. Раствориться в темноте коридора, запереться в своей комнате и терпеть жажду до утра.

Но я не успела.

— Куда собралась? — его голос прозвучал тихо, хрипло, но в этой тишине он был подобен грому.

Я застыла.

Горман медленно повернул голову. В полумраке я видела только очертания его лица, но чувствовала его взгляд. Тяжелый, липкий, пьяный.

— Я... я хотела воды, — голос предательски дрогнул. — Извините, я не знала, что вы здесь.

— «Вы», — он усмехнулся, выпустив струю дыма в потолок. — Опять это «вы». Мы на светском рауте, Сеня? Или в постели с чужим мужиком?

— Я пойду.

Я сделала шаг назад.

— Стоять, — скомандовал он. Не громко. Но в этом слове было столько властной угрозы, что мои ноги приросли к полу. — Я не разрешил уходить. Зайди.

Я слотнула вязкую слюну. Спорить с пьяным Горманом было самоубийством. Я знала эту стадию его опьянения: «холодный демон». Он не шатался, не бормотал. Наоборот, его движения становились скупыми и точными, а мозг работал с пугающей, извращенной логикой.

Я подошла к раковине, стараясь держаться от него подальше. Остров разделял нас как баррикада.

Он сидел на высоком барном стуле, развернувшись ко мне. Рубашка расстегнута до середины груди, рукава закатаны. Рядом стояла початая бутылка «Macallan» и пустой стакан.

— Налей мне, — сказал он, наблюдая, как я беру стакан для воды.

— Вам хватит, Горман Андреевич.

— Не тебе решать, сколько мне хватит, прислуга. Налей.

Я вздохнула. Взяла бутылку. Тяжелая, холодная. Плеснула янтарную жидкость в его стакан.

— Лед?

— Без. Я хочу чувствовать огонь.

Он взял стакан, но не выпил. Он смотрел на меня. Свет от окна падал мне на спину, и я внезапно поняла, что моя сорочка просвечивает. Тонкий хлопок не скрывал контуров тела. Я инстинктивно скрестила руки на груди, пытаясь прикрыться.

Этот жест подействовал на него как красная тряпка.

— Что, стесняешься? — он прищурился. — Кого? Меня? Мужа, который знает каждую родинку на твоём теле? Или хозяина, которому ты принадлежишь с потрохами?

— Я замерзла.

— Врешь. Тебе не холодно. Тебе страшно. И правильно.

Он встал. Резко, одним слитным движением хищника. Стул с противным скрежетом отъехал назад.

Я отступила, упершись поясницей в столешницу гарнитура. Бежать было некуда.

Горман обошел остров. Он двигался медленно, наслаждаясь моим испугом.

— Ты думаешь, ты самая умная? — он остановился в шаге от меня. От него разлило алкоголь и терпким мужским потом. — Думаешь, твоё игра в молчанку сработает? «Да, хозяин», «нет, хозяин». Думаешь, я не вижу, как тебя воротит от меня?

— Я выполняю условия контракта.

— В жопу контракт! — заорал он вдруг, и я вздрогнула. — Я хочу видеть тебя! Тебя, настоящую! Где ты, Сеня? Где та женщина, которая вылила на меня шампанское? Где та сука, которая послала меня матом в Бирюлево? Верни её!

— Она умерла, — тихо ответила я. — Вы сами её убили.

— Не ври мне!

Он сделал выпад и схватил меня за подбородок, больно сжав пальцами. Заставил смотреть ему в глаза. Его зрачки были расширены, в них плескалась черная, безумная тьма.

— Она здесь. Я вижу её. Она прячется за этой маской покорности. Но я её достану. Я вытащу её из тебя, даже если придется вскрыть тебе грудную клетку.

— Отпустите... мне больно.

— Больно? — он рассмеялся, приблизив своё лицо к моему. — А мне не больно, Сеня? Ты думаешь, мне легко видеть тебя такой? Пустой? Мертвой? Ты ходишь по моему дому как привидение. Ты не живешь. Ты существуешь назло мне.

— Я просто хочу отработать долг и уйти.

— Ты никуда не уйдешь. Никогда. Ты сдохнешь в этом доме, но будешь моей.

Я дернулась, пытаюсь вырваться. Моя рука задела стакан с водой, который я поставила на столешницу.

Звон.

Стакан упал на мраморный пол и разлетелся на тысячи мелких осколков. Вода брызнула на мои босые ноги и на его дорогие брюки.

Горман отпустил меня и посмотрел вниз. На мокрые пятна на ткани. На осколки.

Потом он медленно поднял взгляд на меня.

— Убери, — сказал он шепотом.

— Я... я сейчас возьму веник...

— Нет. Руками.

— Что?

— На колени, — приказал он. — Встань на колени и собери осколки руками. Ползай передо мной, как ты ползала перед своими племянниками-алкашами в Бирюлево.

Внутри меня что-то оборвалось.

Это было уже не просто унижение. Это было уничтожение. Он хотел видеть меня на коленях, в мокрой луже, собирающей стекло, чтобы доказать свою власть. Чтобы растоптать остатки моей гордости.

— Нет, — сказала я.

— Что ты сказала?

— Нет! — крикнула я ему в лицо. — Я не встану на колени! Никогда! Ты можешь убить меня, но я не буду ползать перед тобой!

— Ах ты дрянь...

Он замахнулся. Я думала, ударит.

Но он схватил меня за волосы на затылке и дернул голову назад. Боль пронзила шею, из глаз брызнули слезы.

— Гордая стала? — прошипел он мне в губы. — Голос прорезался? Отлично. Наконец-то.

Я вцепилась в его руку, пытаюсь ослабить хватку. Ногти впились в его кожу, оставляя кровавые борозды.

— Отпусти меня, ублюдок! Я ненавижу тебя! Ты жалкий, пьяный алкаш! Ты импотент, которому нужно унижать женщин, чтобы у него встал!

Эти слова стали детонатором.

В глазах Гормана что-то взорвалось. Барьеры рухнули.

Он рыкнул, как раненый медведь, и швырнул меня на кухонный остров. Моя поясница ударилась о край мрамора, из легких выбило воздух.

Прежде чем я успела вдохнуть, он навалился сверху, придавив меня своим весом к холодному камню.

— Импотент? — прохрипел он. — Сейчас проверим.

— Не смей! Нет! Горман!

Я била его. Била кулаками по плечам, по груди. Царапала лицо. Я дралась по-настоящему, как зверек, загнанный в угол.

Но он был сильнее. Намного сильнее. И моя ярость только подливала масла в огонь его безумия.

Он перехватил мои руки одной ладонью и с силой прижал их к столу над моей головой. Я оказалась распята на мраморе.

— Пусти! Это насилие! Я заявлю!

— Ты моя жена! — заорал он, и слюна брызнула мне на лицо. — Ты моя собственность! Я имею право делать с тобой все, что захочу!

Его свободная рука скользнула вниз, по моему бедру. Грубая, горячая, безжалостная.

Он нащупал край сорочки.

Треск ткани.

Он не стал ее задирать. Он просто рванул тонкий хлопок. Бретелька лопнула, ткань разошлась по шву, обнажая грудь.

Я вскрикнула, пытаюсь сжать ноги. Но он вклинился коленом между моих бедер, разводя их силой.

— Нет... пожалуйста... не надо так... — мой крик сорвался на всхлип.

— Надо, Сеня. Надо. Ты сама этого хотела. Ты провоцировала меня неделю. Ходила тут, виляла задницей, строила из себя недотрогу. Получай!

Его рука грубо сжала мою грудь, пальцы больно крутанули сосок. Это была не ласка. Это было наказание.

Но в этот момент, сквозь боль и ужас, мое тело предало меня.

Внизу живота вспыхнул жар. Постыдный, предательский, липкий жар. Я не была с мужчиной месяца. Горман был единственным, кого я знала, к чьим прикосновениям привыкла. И сейчас, когда он доминировал, когда он брал силой, мои инстинкты заглушили разум.

Он почувствовал это. Он провел рукой между моих ног. Там было влажно.

Он замер на секунду. Поднял на меня глаза, полные торжества и презрения.

— О, — выдохнул он. — Посмотри-ка. Ты течешь.

— Нет... это неправда...

— Не ври мне! — он провел пальцами, собирая влагу, и поднес их к моему лицу. — Видишь? Твое тело умнее твоей головы. Ты хочешь этого. Ты хочешь, чтобы я тебя трахнул. Прямо здесь, на столе, как дешевую давалку.

— Я ненавижу тебя...

— Ненавидь. Только ноги раздвинь шире.

Он расстегнул брюки. Звук молнии прозвучал как приговор.

Я зажмурилась, отвернув голову. Слезы текли по вискам на холодный мрамор.

Он вошел.

Резко. Сухо. На всю длину. Без подготовки, без прелюдий.

Я вскрикнула от боли. Меня словно пронзили раскаленным колом.

Но он не остановился. Он начал двигаться. Жестко, ритмично, вбивая меня в стол с каждым толчком. Мрамор охлаждал спину, а внутри меня разгорался пожар.

— Смотри на меня! — рявкнул он.

Я не открыла глаза.

Он укусил меня за шею. Больно, до крови.

— Смотри на меня, сука!

Я открыла глаза. Его лицо было прямо надо мной. Искаженное страстью и яростью. Пот блестел на лбу.

— Чья это дырка? — прорычал он, наращивая темп.

Я молчала, кусая губы до крови, чтобы не застонать.

Шлепок. Звонкий, хлесткий удар ладонью по щеке. Не чтобы вырубить, а чтобы унижить.

— Отвечай! Чья?!

— Твоя... — выдохнула я, ломаясь. — Твоя...

— Громче!

— Твоя! Это твоя дырка! Доволен?!

— Нет, не доволен! Скажи, что любишь это! Скажи, что любишь этот член!

Он двигался так быстро, так глубоко, задевая самые чувствительные точки, что боль ушла, растворилась в волнах удушающего удовольствия. Мое тело выгнулось дугой ему навстречу. Я ненавидела себя. Я хотела умереть от стыда. Но я стонала. Громко, грязно, по-животному.

— Люблю... — стон сорвался с губ. — Да... Горман... еще...

— Шлюха, — прошептал он с каким-то болезненным удовлетворением. — Моя грязная шлюха. Я знал, что тебе понравится.

Он схватил меня за горло, слегка придушивая. Кислород перекрыло. Ощущения обострились до предела. Мир сузился до пульсации внизу живота.

— Кончай, — приказал он. — Давай. Покажи мне, как ты кончаешь.

И я кончила.

Меня накрыло спазмом такой силы, что я закричала, впиваясь ногтями в его плечи. Меня трясло, выкручивало, перед глазами взрывались сверхновые. Я разлетелась на куски.

Горман рыкнул и, сделав еще несколько мощных толчков, излился в меня. Глубоко. До дна. Без защиты. Ставя свою метку. Заполняя меня собой.

Он обмяк, навалившись на меня всем весом. Его сердце колотилось о мои ребра как сумасшедшее.

Тишина.

В кухне снова повисла тишина, нарушаемая только нашим тяжелым, сбивчивым дыханием.

Я лежала, глядя в потолок. По щекам текли слезы, но я не всхлипывала. Я чувствовала себя пустой оболочкой. Использованной. Грязной.

Горман медленно поднялся. Он застегнул брюки, поправил ремень. Его руки слегка дрожали.

Он посмотрел на меня.

Я лежала на столе, раскинув ноги. Порванная сорочка едва прикрывала грудь. На шее алел укус, на щеке горел след от пощечины. Между ног стекало его семя, смешанное с моей смазкой.

Я ждала, что он что-то скажет. Может быть, извинится? Может быть, ужаснется тому, что сделал?

Он провел рукой по лицу, стирая пот. В его глазах хмель начал уступать место тяжелому, мрачному осознанию. Но гордость не дала ему отступить.

— Убери здесь, — бросил он глухо, кивнув на осколки на полу. — И иди спать.

Он развернулся и вышел из кухни, не оглядываясь.

Я осталась одна.

Я медленно сползла со стола. Ноги не держали, я упала на колени. Прямо в лужу воды. Прямо на мелкие осколки стекла.

Стекло впилося в кожу коленей, но я не почувствовала боли. Физическая боль была ничем по сравнению с тем, что творилось у меня внутри.

Я предала себя. Я получила удовольствие от насилия. Я позволила ему победить.

Я начала собирать осколки. Руками. Как он и хотел.

Кровь смешивалась с водой на полу.

Утро.

Свет бил в глаза безжалостно и ярко. Солнце заливало кухню, играя бликами на идеально чистом мраморе.

Я стояла у плиты.

На мне было закрытое платье с длинным рукавом и высоким воротником, чтобы скрыть синяки и укусы. Волосы собраны в тугой пучок.

Я не спала. Я мылась три часа, стирая кожу мочалкой, но запах Гормана все равно преследовал меня.

В 10:00 он вошел на кухню.

Он выглядел помятым. Под глазами мешки, лицо серое. Похмелье. И, возможно, совесть.

Он остановился в дверях, глядя на меня. Он не знал, чего ждать. Истерики? Ножа в спину? Полиции?

Я не повернулась.

Я взяла турку и налила кофе в чашку. Поставила ее на стол. Рядом положила таблетку аспирина.

— Ваш кофе, — сказала я. Мой голос был не холодным. Он был мертвым. Лишенным интонаций. Как у Siri.

Горман подошел к столу. Сел.

Он смотрел на меня, пытаясь поймать мой взгляд. Но я смотрела сквозь него. В моих глазах была пустыня. Выжженная земля, где больше ничего не растет. Ни любви, ни ненависти.

— Сенья... — начал он. Его голос сорвался. — Послушай... насчет вчерашнего...

Я резко подняла руку, останавливая его.

— Рубашки поглажены, — перебила я. — Завтрак в холодильнике, если захотите. Осколки я убрала.

— Есения, посмотри на меня.

Я медленно перевела взгляд на его лицо.

Он вздрогнул. Наверное, он увидел в моих глазах то, что его испугало. Бездну.

— Я буду в своей комнате, — сказала я. — Мне нужно протереть пыль. Если я понадобится — позовите. Хозяин.

Я выделила последнее слово не интонацией, а паузой. Это прозвучало страшнее любого проклятия.

Я развернулась и пошла к выходу. Моя спина была прямой, как струна. Я шла механически, переставляя ноги, которые все еще ныли после вчерашнего.

— Бл*дь, — услышала я шепот Гормана за спиной. В нем было столько отчаяния, что стены задрожали.

Я закрыла дверь своей комнаты.

Я сползла по стене и посмотрела на свои руки. Они были забинтованы там, где я порезалась о стекло.

Глава 9 (Горман)

от лица Гормана

Тишина в пентхаусе стала невыносимой. Раньше, до ее побега, до Бирюлево, до той ночи на кухне, тишина была уютной. Она пахла ее духами, свежими цветами, которые она расставляла в вазы, и спокойствием. Теперь тишина воняла мертвечиной.

Прошло два дня с тех пор, как я сломал ее на кухонном столе.

Я думал, это поможет. Думал, когда я возьму свое, когда напому ее телу, кому оно принадлежит, она вернется. Истерики, слезы, крики — я был готов ко всему. К чему я не был готов, так это к пустоте.

Есения превратилась в тень.

Утро среды. Я сидел за столом, просматривая котировки акций на планшете. Есения поставила передо мной тарелку с овсянкой и фруктами. Идеальная сервировка. Салфетка сложена треугольником. Ни звука.

Она была в том же закрытом сером платье. Волосы зализаны в пучок. Лицо — маска. Ни ненависти, ни страха. Ни-че-го.

— Спасибо, — бросил я, не поднимая глаз.

— Пожалуйста, Горман Андреевич.

Этот официальный тон вымораживал. Мне хотелось схватить тарелку и швырнуть ее в стену, лишь бы увидеть хоть какую-то эмоцию на ее лице. Пусть испугается. Пусть заплачет.

Она развернулась, чтобы уйти в свою комнату.

— Стоять, — скомандовал я.

Она замерла. Медленно повернулась.

— Да?

— Сядь. Поешь со мной.

— Я не голодна.

— Я сказал: сядь.

Она послушно выдвинула стул и села на край. Руки сложила на коленях. Взгляд уперла в точку где-то за моим левым плечом.

Я ел, чувствуя, как кусок застревает в горле. Ее присутствие давило на виски.

— Мне нужно выйти, — вдруг сказала она.

Я замер с ложкой у рта.

— Куда?

— В аптеку. У меня закончились... средства гигиены. И обезболивающее. У меня мигрень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.